

MILHIST

INFO

УДК 63.3(2)4

ББК 94(47).043=161.1(051)(470+571)

Комаров О. В. Изучение комплекса вооружения дворянского войска XVI в. и документальные источники

Аннотация: В статье с привлечением широкой источниковой базы (прежде всего актовых материалов) рассматриваются вопросы, связанные с изучением вооружения и снаряжения поместной милиции, составлявшей основу русского войска в XVI в.

Ключевые слова: XVI век; Иван IV Грозный, Россия, русское военное дело, конница

Автор: Комаров Олег Владимирович, образование высшее. С 2010 года активный участник Проблемного совета при Государственном Историческом Музее. Основная сфера интересов – военная история Русского государства и его соседей. oleggg888@yandex.ru

Литература, использованная в статье:

Ключевский В.О. Сказания иностранцев о Московском государстве. — М., 1866.

Висковатов А.В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск. — СПб, 1841. — Т. I.

Вельтман А.Ф. Московская Оружейная палата. — М., 1844.

Вельтман А.Ф. Древности российского государства. Отделение III. Броня, оружие, кареты и конская сбруя. — М., 1853.

Середонин С.М. Известие иностранцев о вооруженных силах Московского государства в конце XVI в. — СПб., 1891.

Чернов А.В. Вооруженные силы Русского Государства в XV-XVII вв. — М., 1954.

Богоявленский С.К. Вооружение русских войск в XVI-XVII вв. // Исторические записки. — М., 1938. — Т. 4.

Денисова М.М. Поместная конница и ее вооружение в XVI-XVII вв. // Военно-исторический сборник. — М., 1948. — Вып. XX.

Фатеев Д.М. Вооружение и снаряжение русской кавалерии в 1556-79 гг. // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Материалы науч. конф. — Великий Новгород. 2002. — Ч. 1.

Фатеев Д.М. Приокские служилые города в 1550-х и 70-х гг. (готовность к дальней полковой конной службе) // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Материалы науч. конф. — Великий Новгород. 2002. — Ч. 1.

[Летин С.А. XVII век. Стрелец](#) // Империя истории. — СПб., 2002. — № 2.

- Пенской В.В. Московские служилые люди в духовных грамотах конца XV-XVI в. // Вопросы истории. — М., 2011. — № 9.
- Курбатов О.А. «Копейный бой» русской поместной конницы в эпоху Ливонской войны и Смутного времени [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2013. — Специальный выпуск. I. Русская армия в эпоху царя Ивана IV Грозного: материалы научной дискуссии к 455-летию начала Ливонской войны. — Ч. I. Статьи. Вып. II. — С. 227-235 <http://www.milhist.info/2013/04/23/kyrbatov_2> (23.04.2013).
- Курбатов О.А. «Конность, людность и оружность» русской конницы в эпоху Ливонской войны 1558-1583 гг. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2013. — Специальный выпуск. I. Русская армия в эпоху царя Ивана IV Грозного: материалы научной дискуссии к 455-летию начала Ливонской войны. — Ч. I. Статьи. Вып. II. — С. 236-295 <http://www.milhist.info/2013/08/14/kyrbatov_3> (14.08.2013).
- Разрядная книга 1475-1598 гг.
- Разрядная книга 1550-1636 гг.
- Разрядная книга 1475-1605 гг.
- Записная книга Полоцкого похода 1562/63 года / Публ. К.В. Баранова // Русский дипломатарий. — М., 2004. — Вып. 10.
- Дворцовые разряды. — СПб., 1852. — Т. III.
- Приложения // Древности Российского Государства. Дополнение к III отделению. — М., 1865.
- Пояснительный словарь предметов древней царской казны и Оружейной палаты // Вельтман А.Ф. Московская Оружейная палата. — М., 1844.
- Полное собрание русских летописей — СПб., 1903. — Т. XIX.
- Кирпичников А.Н. Военное дело на Руси в XIII-XIV вв. — Л., 1976.
- Памятники Куликовского цикла. — СПб., 1998.
- Десятни XVI в. № 1. Коломна (1577 г.) // Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. — М., 1891. — Кн. 8. — Отдел III.
- Десятни XVI в. № 1. Рязск (1579 г.) // Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. — М., 1891. — Кн. 8. — Отдел III.
- Кротов М.Г. Десятни XVI - начала XVII вв. как исторический источник. [Электронный ресурс] Дипломная работа. — М., 1982. <http://krotov.info/yakov/5_russia_moi/17_ru_moi/desyatni/dipl1.html>
- Российский государственный архив древних актов. Ф. 210 (Дела десятен), № 2.
- Антонов А.В. «Боярская книга» 1556/57 г. // Русский дипломатарий. — М., 2004. — Вып. 10.
- Опись и продажа с публичного торга оставшегося имения по убиении народом обвиненного в измене Михайлы Татищева в 116 году (далее - Опись имения Татищева) // Временник императорского Общества Истории и Древностей Российских. — 1850. — Кн. 8.

Русский Дипломатарий — М., 1999. — Вып. 5.

Каширская десятина 1556 г. // Шапошников Н.В. «Heraldica». Исторический сборник. — СПб., 1900. — Т. 1. — Отдел 4.

Дополнения к Актам историческим. — СПб., 1846. — Т. I.

Акты феодального землевладения и хозяйства. — М., 1956. — Ч. 2.

Русский Дипломатарий. — М., 2007. — Вып. 7.

Акты Русского Государства 1506-1526. — М., 1975.

Русский Дипломатарий. — М., 2007. — Вып. 7.

Акты Юридические. — СПб., 1838.

Акты, относящиеся до гражданской расправы Древней России. — Киев, 1860. — Т. I.

Древние Акты, относящиеся к истории Вятского края. — Вятка, 1881.

Лихачев Н.П. Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках. — СПб., 1895.

Акты служилых землевладельцев. — М., 1998. — Т. II.

Акты русских монастырей. Акты Суздальского Спас-Ефимьева монастыря. — М., 1998.

Сборник Российского Императорского исторического общества. — СПб., 1882. — Т. 35.

Документы Ливонской войны (подлинное делопроизводство приказов и воевод) 1571-1580 гг. // Памятники истории Восточной Европы. — Москва-Варшава, 1998. — Т. III.

Явочные челобитные 1568-1612 годов из архива Суздальского Покровского девичьего монастыря // Русский дипломатарий. — М., 2003. — Вып. 9.

Савваитов П. И. Описание старинных царских, утварей, одежд, оружия, ратных доспехов. — СПб., 1865.

Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551-1561 гг. — Казань, 2006.

Новый документ о людях и приказах опричного двора Ивана Грозного после 1572 года // Исторический архив. — М.-Л., 1949. — Т. IV.

Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой (1576 г). — М., 2003.

Астраханское ханство по документам ногайской посольской книги за 1551-1556 гг. // Исторический архив. — 2006. — № 3.

Пояснительный словарь, предметов древней царской казны и Оружейной палаты // Московская оружейная палата. — М., 1844.

Разрядные книги 1598-1638 гг. — М. 1974.

Русско-монгольские отношения 1686-1691. Сборник документов. — М., 2000.

Инвентарь вооружения Несвижского замка 1510, 1569 годов (позднее вывезенного в Чернавчицы) и другие инвентари 2-й половины XVI века: уникальные источники для новых исследований // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Третьей международной научно-практической конференции 16–18 мая 2012 года. — СПб., 2012. — Часть III.

Документы о сражении при Молодях // Исторический архив. — 1959. — № 4.

Повесть о победе над крымскими татарами в 1572 г. // Археографический ежегодник за 1961 год. — М., 1962.

Ссылка для размещения в Интернете:

http://www.milhist.info/2016/02/03/komarov_1

Ссылка для печатных изданий:

Комаров О.В. Изучение комплекса вооружения дворянского войска XVI в. и документальные источники [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2016. — Т. VII. — С. 392-460. <http://www.milhist.info/2016/02/03/komarov_1> (03.02.2016)

Komarov O. Primary sources for studying the arms and armor of the Muscovy feudal army in the XVI century

Summary: The author is using a variety of primary sources – in particular, the ancient Muscovy written deeds – to probe a question of arms and armor used by the local militia as a bulk of the Tsar’s feudal army in the sixteenth century

Keywords: XVI; Ivan IV “The Terrible”; Muscovy; the art of war; mounted gentry

Author: Oleg Komarov is currently a member of an Advisory Council at the State Historical Museum (Moscow, Russia). He specializes in the military history of Russia and her neighbors. oleggg888@yandex.ru

References:

Kljuchevskij V.O. Skazanija inostrancev o Moskovskom gosudarstve [Tales of foreigners about the Moscow state]. — M., 1866.

Viskovatov A.V. Istoricheskoe opisanie odezhdy i vooruzhenija rossijskih vojsk [The historical description of clothing and weapons of Russian troops]. — SPb, 1841. — T. I.

Vel'tman A.F. Moskovskaja Oruzhejnaja plata [The Moscow Armory]. — M., 1844.

Seredonin S.M. Izvestie inostrancev o vooruzhennyh silah Moskovskogo gosudarstva v konce XVI v. [The news of foreigners about forces of Muscovy in the late XVI century] — SPb., 1891.

Chernov A.V. Vooruzhennye sily Russkogo Gosudarstva v XV-XVII vv. [The armed forces of the Russian State in XV-XVII centuries] — M., 1954.

Bogojavlenskij S.K. Vooruzhenie russkih vojsk v XVI-XVII vv. [The armament of Russian troops in the XVI-XVII centuries.] // Istoricheskie zapiski. — M., 1938. — T. 4.

Denisova M.M. Pomestnaja konnica i ee vooruzhenie v XVI-XVII vv. [The militia cavalry and its service in XVI-XVII centuries] // Voенно-istoricheskij sbornik. — M., 1948. — Vyp. XX.

Fateev D.M. Vooruzhenie i snarjazhenie russkoj kavalerii v 1556-79 gg. [Weapons and equipment of the Russian cavalry in 1556-79] // Proshloe Novgoroda i Novgorodskoj zemli. Materialy nauch. konf. — Velikij Novgorod. 2002. — Ch. 1.

Fateev D.M. Priokskie sluzhilye goroda v 1550-h i 70-h gg. (gotovnost' k dal'nej polkovoj konnoj sluzhbe) [Oka cities in 1550-ies and 70-ies.] // Proshloe Novgoroda i Novgorodskoj zemli. Materialy nauch. konf. — Velikij Novgorod. 2002. — Ch. 1.

[Letin S.A. XVII vek. Strelec](#) [The XVII century. Strelec] // Imperija istorii. — SPb., 2002. — № 2.

Penskoj V.V. Moskovskie sluzhilye ljudi v duhovnyh gramotah konca XV-XVI v. [Military men from Moscow in theological diplomas at the end of XV-XVI century.] // Voprosy istorii. — M., 2011. — № 9.

Kurbatov O.A. «Kopejnyj boj» russkoj pomestnoj konnicy v jepohu Livonskoj vojny i Smutnogo vremeni ["Spear-running" Russian militia cavalry in the era of the Livonian war and time of Troubles] [Electronic issue] // History of military art: researches and sources. — 2013. — Special

edition. I. Russian army under reign of Ivan IV Terrible. — Vol. I. Articles. Ch. II. — P. 227-235
<http://www.milhist.info/2013/04/23/kyrbatov_2> (23.04.2013).

Kurbatov O.A. «Konnost', ljudnost' i oruzhnost'» of the Russian cavalry in the Livonian war in 1558-1583 [Electronic issue] // History of military art: researches and sources. — 2013. — Special edition. I. Russian army under reign of Ivan IV Terrible. — Vol. I. Articles. Ch. II. — C. 236-295
<http://www.milhist.info/2013/08/14/kyrbatov_3> (14.08.2013).

Kirpichnikov A.N. Voennoe delo na Rusi v XIII-XIV vv. [Military science in Russia in XIII-XIV centuries.] — L., 1976.

Akty Russkogo Gosudarstva 1506-1526. [Acts of The Russian State 1506-1526] — M., 1975.

Dokumenty Livonskoj vojny (podlinnoe deloproizvodstvo prikazov i voevod) 1571-1580 gg. [Documets about Livonian war 1506-1526] // Pamjatniki istorii Vostochnoj Evropy. — Moskva-Varshava, 1998. — T. III.

Rusko-mongol'skie otnoshenija 1686-1691 [Russo-Mongolian relations 1686-1691]. Sbornik dokumentov. — M., 2000.

Inventar' vooruzhenija Nesvizhskogo zamka 1510, 1569 godov (pozdnee vyvezennogo v Chernavchicy) i drugie inventari 2-j poloviny XVI veka: unikal'nye istochniki dlja novyh issledovanij [The inventory of weapons Nesvizh castle 1510, 1569] // Vojna i oruzhie. Noveye issledovanija i materialy. Trudy Tret'ej mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii 16–18 maja 2012 goda. — SPb., 2012. — Chast' III.

Dokumenty o srazhenii pri Molodjah [Documents about the battle at Moladah] // Istoricheskij arhiv. — 1959. — № 4.

Internet link:

http://www.milhist.info/2016/02/03/komarov_1

Reference link:

Komarov O. Primary sources for studying the arms and armor of the Muscovy feudal army in the XVI century [Electronic issue] // History of military art: researches and sources. — 2016. — Vol. VII. — P. 392-460. <http://www.milhist.info/2016/02/03/komarov_1> (03.02.2016)

ИЗУЧЕНИЕ КОМПЛЕКСА ВООРУЖЕНИЯ ДВОРЯНСКОГО ВОЙСКА XVI В. И ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Документальные источники о вооружении дворянского войска.

Начиная с XIX в. для описания вооружения русского войска XVI в. отечественные историки использовали прежде всего работы иностранцев, оставивших сочинения и записки о России. Так, например, в классических трудах Н. М. Карамзина и С. М. Соловьева в описании истории Русского государства от Ивана III до Бориса Годунова только раз говорится о вооружении конницы, при этом источником является сообщение Герберштейна, хотя в целом Соловьев при описании военного устройства использовал немало русских документов. Другой классик, В. О. Ключевский, в своих трудах касался многих сторон русской истории, преимущественно основываясь на свидетельствах документальных источников. Однако вопроса военного устройства Русского государства фактически коснулся только в «Сказании иностранцев о Русском государстве», в главе «Войско»¹, и о вооружении конницы XVI в. мы узнаем по большей части из известий Герберштейна и Флетчера.

Такая привлекательность иностранных сочинений для русских историков XIX – начала XX в. связана с тем, что представленные иностранными наблюдателями образы имели цельный вид, почему их описания было удобно и просто пересказать. С XV – начала XVII вв. до нас дошло очень немного документов, из которых можно было бы извлечь данные о вооружении. Таким образом, вставала необходимость основательно изучить имеющиеся фрагменты и попытаться воссоздать цельную картину из этих более достоверных источников, несмотря на сложность задачи.

Работа началась во второй четверти XIX в. с изучения русского вооружения XVI-XVII вв. Отметим, что подавляющее количество

сохранившихся предметов вооружения и описей оружейных собраний относится к XVII в., из-за чего надолго утвердилась практика рассматривать вооружение XVI в. через представления о комплексе вооружения XVII в. Собрание Оружейной палаты и собрания знатнейших лиц, первыми подвергшиеся описанию и изучению – это прежде всего оружейные коллекции, куда в значительной степени набирались дорогие, парадные и экзотические образцы. Разнообразную и подчас противоречивую делопроизводственную терминологию XVI-XVII вв. в XIX в. пытались перевести в термины оружейведческой науки согласно современным критериям. Все это вызывало неизбежные трудности.

Были предприняты первые попытки привлечь к изучению документальные материалы. Так, в известном труде А.В. Висковатова² наряду с сочинениями Герберштейна, Ченслера, Гваньини и Флетчера были использованы смотренные записи XVI в. (Боярская книга и десяти), опись имущества Бориса Годунова, иллюстрации к трудам Герберштейна, записи иностранцев. Автором были приведены несколько выписок из смотренных записей, чтобы показать примеры комплекса вооружения русских всадников, но никакого обобщённого анализа сделано не было. А.Ф. Вельтман в своих работах³ использовал опись имущества Бориса Годунова, посольские книги по связям с Ногайской ордой, Ираном, Грузией, разрядные записи о рындах при царском походном оружии. Тем не менее, для общего описания вооружения русской конницы XVI в. он также использовал сообщения Ченслера.

В 1861 г. М. А. Оболенским по подлинным спискам была опубликована Боярская книга, содержащая наиболее ранние из сохранившихся записи о смотрах 1550-х гг. В 1891 г. были впервые опубликованы десяти XVI в. (по спискам XVII в.), в том числе две (Коломенская десятина 1577 г. и Ряжская десятина 1579 г.), в которых имелись записи о вооружении. В 1900 г. по списку XVIII в. была издана Каширская десятина 1556 г. Обобщённый анализ сведений из этих источников появился гораздо позже.

В работе Середонина С. М. «Известие иностранцев о вооруженных силах Московского государства в конце XVI в.»⁴ производился сравнительный анализ русских и иностранных источников, но по части вооружения конницы автор ограничился сокращенным изложением известий Флетчера и Маржерета, привел два варианта вооружения из десятен и перечислил некоторые типы вооружения, упомянутые в Боярской книге. Подсчеты же вооружения по смотрам были произведены только в середине XX в.: А. В. Черновым – по Каширской десятне⁵, С. К. Богоявленским – по Коломенской десятне⁶, М. М. Денисовой – по Боярской книге⁷. Более точные данные появились еще позднее и были приведены Д. М. Фатеевым⁸. При этом все исследования ограничивались статистикой упоминаний тех или иных орудий без учета особенностей московского делопроизводства или погрешностей при переписывании.

Значения данных обстоятельств не следует недооценивать. В ведении дел отсутствовало единство терминологии, и не только служащие различных ведомств, но даже служащие одного и того же ведомства могли использовать одни и те же термины по-разному или по-разному именовать один и тот же предмет вооружения. Разный мог быть и подход – что записывать, а что упускать. Кроме того, только часть документов дошла в подлиннике. Часть – это списки XVII и даже XVIII вв. Сам факт переписывания подразумевает искажения, а также сознательные сокращения (последнее особенно характерно для списков разрядных книг).

Кроме названных выше, сохранились и иные документы, сообщающие об оснащении дворянского войска, и которые далеко не сразу обратили на себя внимание историков. Прежде всего, это «духовные грамоты» (завещания) землевладельцев, к этому же типу источников можно отнести опись имущества новгородца Михаила Татищева 1608 г. Есть документы, описывающие имущество, захваченное разбоем. Это «обидные списки» (дипломатические документы о разбое на границе и за границей) и «явочные челобитные» (о внутренних разбоях). Определенные сведения можно найти в разрядных

записях (Разрядных Книгах, а также в разрядных повестях, сохранившихся в Никоновской и некоторых других летописях).

Серьезный прорыв в изучении вооружения дворянского войска наметился буквально только в начале XXI в. на фоне общего повышения научного интереса к военной истории Русского государства XV-XVII вв. Тщательному анализу стали подвергаться и документы, уже долгое время бывшие в обиходе историков, и те, которым ранее не уделяли должного внимания. Так, вскоре после публикации Обидного списка Полоцкого рубежа 1571 г., его стали активно привлекать для изучения русского войска⁹. Постепенно в обиход стали входить духовные грамоты, была опубликована соответствующая статья В.В. Пенского¹⁰. Работы О. А. Курбатова о дворянском войске в основном касаются XVII в., но им также освещены и некоторые вопросы боевого оснащения XVI в. Отдельное его исследование, методом которого являются не прямые статистические подсчеты по смотренным спискам, а именно структурный анализ, посвящено использованию копий в период до наступления Смуты¹¹. Ученым также были введены в научный оборот выписки из несохранившихся десятен¹².

Все это позволило сделать серьезный шаг вперед в деле изучения вооружения поместной милиции конца XV – нач. XVII вв.

Царское оружие

Чтобы представить себе образцовый комплект вооружения 1550 – 60-х гг., следует обратиться к разрядным записям о царском походном вооружении, распределявшемся среди рынд и поддатней. Сохранившиеся разрядные записи за 1555, 1556, 1557, 1559 гг.¹³ имеют некоторые разночтения, вызванные погрешностями при переписке оригинала, но в целом из них видно, что тогда существовал определенный набор статусного оружия: большой саадак, писанный саадак, нахтермяный саадак, большое копьё, другое копьё (меньшее копьё), рогатина.

В подлинных разрядных записях о Полоцком походе 1562-1563 гг. набор оружия иной и несколько больший: большой саадак, большое копье, другой саадак, другое копье, третий саадак, рогатина, пищали, топоры (у топоров были только поддатни)¹⁴.

После Полоцкого похода есть запись о царском вооружении за 1567 г., где отмечены рынды у большого саадака, у большого копья, у другого саадака, у меньшего копья и сулицы (другого копья), у меньшего третьего саадака (третьего саадака), у рогатины, у пищалей, а также чин и поддатни с доспехом¹⁵. В последующих имеющихся разрядных записях показан следующий ряд: чин и поддатни с шоломом и доспехом, рынды с большим саадаком, копьем, другим саадаком, сулицей, третьим саадаком, самопалом. Поддатни с топорами отмечены только под 1598 г.¹⁶ Таким образом, можно говорить, что в 1560-е гг. сложился царский комплект походного вооружения – образцовый набор на период взятия Казани и Полоцка.

Примечательна роспись походного вооружения Симеона Бекбулатовича в 1577 г.: рынды у большого саадака, копья, другого саадака, щита («против другою копя»), зеркала, бахтерца, юмшана, панцыря, шелома¹⁷. Ситуативное приравнивание рынды у щита к рынде у другого копья может свидетельствовать, что щит не входил в походный царский «доспех». Следует обратить внимание на порядок перечисления доспехов.

Поскольку за XVI в. оригинальных записей больше нет, то для сравнения можно обратиться к разрядным записям о походах 1654 и 1655 гг.¹⁸ Там видим следующий ряд: доспех, большой саадак, большое копье, другой саадак, другое копье и сулица, третий саадак, рогатина, пищали. Словосочетание «рында у другого копья и сулицы» не означало, что было отдельно «другое копье» и отдельно «сулица». В XVII в. поддатни у топоров уже не встречаются. Подробностью отличается документ, описывающий парад перед английским посольством 1664 г. Там значится такой порядок: большой саадак, сабля большая, булава большая, покровец большой; калантарь, шапка, наручи, бутурлыки; саадак золотой, другая сабля, булава, покровец; третий саадак;

сулица, рогатина, цысарское копье; пищали (карабины, винтовальные пищали)¹⁹. Из этого документа видно, что записи «рында при саадаке» подразумевали, что при саадаке также были сабля и булава. Точно ясно, что щит не входил в царский доспех, но в него входили наручи и бутурлыки.

В Оружейных описях XVII в. термины «калантарь» и «сулица» встречаются только по разу, в 1687 г.²⁰ Тогда «калантарь» был описан как дорогой (1000 рублей) позолоченный доспех из скрепленных кольцами стальных пластин. Термин «сулица» до 1560-х гг. широко бытовал в различных источниках, но затем встречался фактически только в описании царского походного оружия. Термин же «калантарь» очень редок, происхождения его не выяснено. Описывая Казанское взятие 1552 г., Казанский летописец говорит, что царь облачался в «калатырь», «в златыя браня, в рекомы калантырь»²¹. Поскольку в Никоновской летописи говорится, что во время Казанского взятия царь облачался в юшман, то принято считать, что термины «калантарь» и «юшман» тогда были равнозначны²². Но это два разных независимых источника, и такой вывод может быть поспешным. В Краткой редакции Задонщины (3-я четверть 15 в.) для описания доспехов русского войска использовано выражение «калантыри злачены»²³, тогда как во всех остальных списках этого произведения употреблялось выражение «доспехи злачёные». Бросается в глаза, что во всех случаях особенностью калантарей была их позолоченность. Можно заметить, что в Казанской летописи больше нигде не говорится про золоченые доспехи. Скорее термином «калантарь» называли богато украшенный статусный доспех. Использование для обозначения видов царского вооружения архаичных терминов (сулица, калантарь), не применявшихся ни в каких иных случаях, можно назвать особенностью русской оружейной терминологии.

Приведенное описание царского походного вооружения позволяет сделать ряд выводов. Устойчивое главенство саадака в наступательном вооружении самым ярким образом свидетельствует о его роли. То, что наличие сабли при саадаках только подразумевалось, а для копейного оружия выделяли

рынд, говорит о соответствующем статусе этих орудий. Топор, хоть и на низшем уровне, тем не менее, входит в царское походное вооружение, что также свидетельствует о его заметной роли. Таким образом, полный комплекс вооружения эпохи Казанского взятия включал в себя корпусной доспех, шлем, наручи, бутурлыки, саадак, саблю, копьё, топор.

Десятни 1577-1582 гг.

Хотя записи о смотрах вооружения сохранились с 1550-х гг., для рассмотрения картины в целом имеет смысл вначале изучить десятни 1570-х гг. – когда окончательно сложилась система записей.

Из десятен данного периода дошли две почти полные десятни – Коломенская 1577 г.²⁴ и Ряжская 1579 г.²⁵ Первая десятня показывает среднюю городскую корпорацию, а вторая – выборную (для дальних походов) часть бедной южной корпорации. Эти десятни дошли в списках XVII в., что подразумевает возможность описок и сокращений (нельзя исключать, что по той или иной причине недописки были уже в оригинале).

Предположение о недописках можно подтвердить анализом десятен. Из 12 коломничей, у которых отмечены копья, у 4 они названы в качестве единственного вооружения, хотя это были богатые помещики, холопы которых были в доспехах, с саадаками и саблями. У двух коломненских помещиков (Давыд Яковлев сын Гомзяков и Булгак Михайлов сын Телешов), одного ряжца (Прокуд Михайлов сын Бунин), одного коломненского холопа (в свите Ивана Федорова сына Проестева) при саадаке не отмечена сабля, но все они были в панцирях и шлемах, а у ряжца был даже холоп в панцире, саадаке и сабле (ещё в этих десятнях саадак без сабли указан только у двух коломничей – Богдана Васильева сына Хотяинцова и Лукьяна Дмитриева сына Левушинского).

Ряжская десятня показывает удельное число кошевых людей в полевом формировании: на 100 помещиков и 9 полковых холопов есть 35 кошевых людей (24 %). Коломенская десятня показывает на 280 помещиков и 138 полковых холопов 185 кошевых людей (31 %). В Ряжской десятне, в отличие от

всех прочих десятен, у тех помещиков, у которых не было холопов, отмечалось, что у них был мерин с юком. Но из этого нельзя понять, сколько вьючных лошадей приходилось на одного человека.

Хорошо прослеживается сформировавшаяся практика записи служебного состояния: про кошевых людей отмечали, что они были верхом, но про вооружение писали очень редко; у помещиков и их полковых людей записывали и наступательное (саадак с саблей, копьё, рогатина), и защитное вооружение (шлем и корпусной доспех).

Только у двух коломенских помещиков отмечен просто «доспех» (у их людей – панцири). Во всех остальных случаях металлический доспех конкретизирован. В подавляющем большинстве случаев – это панцирь (встречаются кольчуги, а у одного коломенского помещика – «полубодон»). Есть по одному зеркалу и юшману у наиболее знатных коломенских помещиков, а также один бахтерец у небогатого помещика (у него даже не было холопов).

Список Коломенской десяти показывает, что полковые люди оснащались металлическими доспехами не менее чем на 60 % (не учитывая возможные недописки). Причём у 138 полковых холопов отмечены 94 панциря (68 %). Рязская десятина даёт гораздо худшую картину доспешности, но это именно бедная корпорация. Практически во всех случаях, когда в свите два и более полковых холопов, все они в доспехах.

В Коломенской десятне 255 воинов в металлических доспехах, 10 в толстых тегилях (3 помещика и 3 холопа в шапках железных, 4 холопа без указания шлема), в Рязской – 284 (у помещиков, из них у 2 отмечены шапки железные).

В Коломенской десятне есть один холоп (Разгильдея Шерапова сына Либученинова), у которого из защитного вооружения отмечена только шапка железная, один холоп (Павла Васильева сына Огалина) и два помещика (Ивашко Володимеров сын Прямоглядов, Федор Сляднев сын Нокрашев), у которых отмечен только панцирь, один помещик (Иван Федоров сын Проестев),

у которого отмечена только кольчуга. В Ряжской десятне у двух помещиков (Офонасей Иванов сын Венюков, Иванец Григорьев сын Венюков) есть 3 холопа в панцирях, но без шлема (всего в десятне у холопов 5 панцирей); один помещик (Микифор Михайлов сын Венюков) отмечен только в шлеме (всего у помещиков 22 панциря и 1 кольчуга). Учитывая возможные недописки, можно говорить, что шлем был практически неизменным атрибутом при доспехе.

В Коломенской десятне отмечено 35 копий. Первый в списке копьё не имеет, но у 2 из 3-х его бойцов отмечены копьё. Также все 3 бойца у каждого из двух других дворовых помещиков имеют копьё (у самих помещиков копий нет). Во всех остальных случаях копьё есть либо у помещика (12 копий), либо у одного человека его свиты (они тут явно играли роль оруженосцев; обычно это были полковые люди). Эти 27 копьеносных помещиков по оснащённости явно относятся к лучшей части корпорации. Из-за возможных пропусков при переписке документов сложно говорить о реальном проценте «копьеносцев» (кроме того, не все могли прибыть на смотр с имеющимися у них копьёми). Но в целом очевидно, что копьё – это оружие элиты, причём оружие достаточно длинное, раз его зачастую носили оруженосцы. В десятне отмечены только 2 рогатины (в комплекте с саадаком и саблей): одна у ратного холопа, другая у помещика, который не имел боевого холопа и запасного коня (оба были в панцире).

В Ряжской десятне копьё и рогатины не упоминаются, что лишь говорит о пониженном статусе Ряжской сотни (копьё у нескольких более богатых помещиков ничего не изменили бы, поэтому смысла их применять не было).

Видно, что практически у каждого полкового человека был саадак с саблей. Об остальном оружии, а также об оружии кошевых людей, упоминания единичны, т. к. его описание было не в практике. Вооружение зафиксировано у трёх коломенских людей «с юком», из них у 2 это саадак с саблей; причём в обоих случаях это были мелкие помещики (Офонасей Петров сын Орсенъев имел оклад в 150 четей и 9 рублей. Позняк Федоров сын Гомзяков имел оклад в 200 четей и 6 рублей; у обоих не было больше холопов и запасных коней). Два

полковых холопа с саадаком, саблей и топорком и кошевой холоп с топором значатся у одного из коломенских помещиков. Небогатый ряжский помещик с саадаком и саблей имел «топор за поясом». Эти сведения не могут дать представление о распространении боевых топоров, а также дают только приблизительную оценку вооружению кошевых холопов.

Также сохранился ряд выписок по другим городам, сделанных в XVIII в.²⁶ По Серпейску (1578 г.): «Иван Олексеев сын Комынин... на коне в пансыре, в шеломе, в саадаке, в сабле, с копьем. Да три человека на конех, в пансырех, в саадаках, в саблех. Да конь прост. Да два человека на конех с юки».

По Мурому (1578 г.): «Федор Семенов сын Дурасов... о двуконь, в пансыре, в шеломе, в саадаке, в сабле, да человек на мерине в пансыре, в шапке в железной, с пищалью». «Петр Семенов сын Дурасов... на коне, в пансыре, в шеломе, в саадаке, в сабле. Да человек на коне в пансыре в шапке в железной, в саадаке, в сабле, с копьем. Да человек на мерине с юком». «Юрьи Васильев сын Осорьин... на коне, в пансыре, в шеломе, в саадаке, в сабле да 3 человека на конех в пансырех, в шапках в железных, в саадаках, в саблех. Один с копьем человек на мерине с юком». «Васька Семенов сын Осорьина... на коне, в пансыре, в шапке железной, в саадаке, в сабле; человек на коне в пансыре, в шапке железной, в саадаке, с саблею. Человек на мерине с юком». «Афоня Борисов сын Лупандин... на коне, в пансыре, в шапке в железной, в саадаке, в сабле, с копьем. Да человек на мерине с юком». «Якуня Борисов сын Лупандин... на коне, в пансыре, в саадаке, в сабле, в шапке железной. Да человек на мерине с юком». «Степан Федоров сын Киселев... на коне, в колчуге». «Василий Иванов сын Волков... на коне, в пансыре, в шапке железной, в саадаке, в сабле. Да человек с юком».

Владимир (1579 г.): «Радивон Власьев сын Всеволоцкого... на коне, в пансыре, в шеломе, в саадаке, в сабле; да человек на коне в пансыре, с конем простым; да человек на мерине с вьюком».

Владимир (1581 г.): Карп Неронов сын Волков «на коне, в шеломе, в пансыре, в саадаке, в сабле», «человек за ним на коне в пансыре, в шапке

железной, и в саадаке, в сабле, с простым конем», «человек на мерине со вьюком».

Нижний Новгород (1581 г.): Герасим Васильев сын Приклонский «на коне в саадаке, в сабле», «человек на коне, в саадаке, в сабле с конём простым», «на мерине в саадаке в сабле с юком». Мирослав Степанов сын Приклонский. «на коне, в саадаке, в сабле, в пансыре, в шапке железной», «человек на мерине с юком», Петр Суслов Сын Приклонский «на коне, в саадаке, в сабле», «человек на коне, в саадаке, в сабле, с копьём», «человек на коне с юком».

Эти данные подтверждают выводы, сделанные по Коломенской десятне: неизменные сабли при саадаках; копья у лучших помещиков; редкость тегилев и кольчато-пластинчатых доспехов (вообще не отмечены); доспехи у полковых холопов, где их хотя бы двое; неизменность шлемов при доспехе (два пропуска, скорее всего, случайны). Уникально упоминание пищали у муромского панцирного холопа (то, что больше ничего из наступательного вооружения не названо – ещё один явный пример недописки). Упоминание о саадаке с саблей у кошевого нижегородского холопа говорит, что такое вооружение у кошевых холопов не было редкостью.

Комплекс боевого снаряжения, сложившийся в 1570-е гг., по-видимому, сохранился до начала XVII в. Так, во Владимирской десятне 1621 г. было отмечено, что Павел Васильев сын Вышеславцов «при прежних де государех служил по Мещере с мещерского поместья на коне в пансыре, да за два коня простых, а с ним по человеку на конех с простыми конями в саадаках и саблях, да за ним три человека на конех в пансырех с копьями»²⁷.

Боярская книга

Основными источниками по комплексу вооружения русской конницы 1550-х гг. являются сохранившиеся списки смотров тех лет, в первую очередь – Боярская книга (запись о служебном состоянии помещиков Государева полка)²⁸. Боярская книга дошла до нас в списках XVI в., но в них записи о Серпуховском смотре, а также о более ранних смотрах – это именно выписки, а

не оригинальные сведения (что предполагает наличие недописок и описок). Делопроизводственная практика смотренных записей тогда только формировалась, что не могло не стать причиной разногласий в том, что и как записывать, а что не записывать в каждом случае, поэтому нужно рассматривать не общую статистику, а делать разбивку по группам (помещик со свитой). И, соответственно, рассматривать записи с разбивкой по смотрам.

В Боярской книге представлены выписки с 7062 г. (1553-1554 гг.): «старого смотра», «старого смотра в Казани на году», «старого смотра в Свияжском на году», «Астраханского похода» 7062 г., «Казанского зимнего похода 7063 г.», «лета 7063 в Казани на году», Свияжского смотра 7063 г., «Польского похода» 7063 г., «Немецкого похода» 7064 г., Свияжского смотра 7064 г., Нижегородского смотра 7064 г. Их структурное рассмотрение может дать представление о том, как формировалась сама система записей на смотрах.

«На старом смотре» (скорее всего, это были разные смотры) 12 помещиков выставили 98 «человек в доспесех», 10 помещиков выставили 26 человек без доспехов, 22 помещик выставили 47 человек в доспехе, 26 человека в тегиляе, 29 человек без доспехов. Таким образом, в этих смотрах фиксировались только полковые люди, и у них отмечалось наличие или отсутствие доспеха или тегиляя. Ни кошевых людей, ни оснащенность помещика, ни наличие коней не фиксировали. Учитывая, что большинство помещиков были в доспехах, выходит, что всего людей в доспехах было не менее двух третих, а в тегиляях – менее десятой части войска.

4 помещика выставили 17 людей «без доспехов на конех по старому смотру». Т. е. тут уже фиксировали коней. Только у одного помещика записано: «по старому смотру сам на коне в доспесе, за ним (ч) без доспеху».

На «старый смотр на году в Казани» 3 помещика выставили 15 человек «на конех» (13 в доспехах, 1 в тегиляе), и 4 помещика выставили 12 человек в доспехах, без указания на наличия коней. Также у двух помещиков отмечены «в Казани» 10 человек в доспехах.

«По старому смотру в Свяжском на году» 6 помещиков «на коне в доспесе» выставили 5 конных в доспехах, 5 пеших без доспехов, 2 пеших в доспехах и 4 пеших в тегиялях. Про одного сказано – «на коне в доспесе, да за ним (ч)», и ещё про одного: «людей его в Свяжском на году (ч) в доспесе». Здесь уже говорится про коня и доспех помещика. Наличие большого числа пеших людей можно объяснить спецификой гарнизонной службы.

Примечательно, что почти все «в Казани на году» и все конные в Свяжске были в доспехах – важное свидетельство оснащённости доспехами конницы в 1554 г.

Свои особенности имеют записи о речном Астраханском походе 7062 г.: «в судех 23 (ч), в них 4 (ч) в доспесех, а 8 (ч) на кормовом судне» (на Серпуховском смотре – 4 конных в доспехах, 5 в тегиялях, 5 кошевых); «20 (ч), в них 10 (ч) в доспесех, 3 (ч) в тегиялях, на кормовом 14 (ч)» (выставлены братьями; на Серпуховском смотре один из них выставил 4 доспешных и 1 кошевого), «людей ево 8 человек, в них 3 (ч) в доспесех, 5 (ч) на кормовом» (в Польском походе – 4 в доспехе), «9 (ч), в них 4 (ч) в доспесех» («к Казани 3 (ч) в доспесех»), «29 человек в доспесех» («а в Казани людей ево 7 (ч) в доспесех»). Судовая служба сама по себе подразумевает отсутствие коней. Тут впервые можно говорить о выделении в ряде случаев «кошевых людей» – «на кормовом судне» (треть от общего числа людей). Следует обратить внимание, что, в отличие от конных походов, в речной поход помещики выставили много бездоспешных людей.

В Казанском зимнем походе 7063 г. 5 помещиков выставили 13 человек в доспехах, 4 человек в тегиялях, 3 человек без доспеха (про коней и самого помещика не сказано); про одного помещика – «в доспесе да (ч) без доспеху»; ещё про одного – «сам в доспехе на коне; людей ево 5 (ч), в них 3 (ч) в доспесех, 2 (ч) в тегиялях».

«В Казани на году 7063 г.» (он точно был позднее «старого смотра в Казани» – в одной группе они перечислены один за другим) отмечено 8 помещиков «на конех в доспесех», которые привели 26 «человек в доспесех на

конех», 2 человека в тегиляях, 4 человека без доспеха, а также отмечено 3 «коня простых». Таким образом, всего в Казани на году и в походе было 78 % доспешных, 11 % тегиляйных и 11 % бездоспешных. «В Казани на году 7064 г.» два помещика «на коне в доспехе» выставили человека на коне без доспеха, 3 человек в доспехе, человека в тегиляе и коня простого.

В Польском походе 7063 г. 14 помещиков выставили 60 холопов (44 в доспехах, 12 в тегиляях, 4 без доспеха). Получается (считая всех помещиков в доспехах) 78,4 % доспешных, 16,2 % тегиляйников и 5,4 % бездоспешных. Обычно просто говорилось, сколько людей выставили в доспехе, тегиляе и без доспех, но было и несколько исключений. «Борис Иванов сын Хрушов... в доспесе; людей его 3 человека, в них один человек в бехтерце, а 2 человека в тегиляях». Про Ивана Назарьева сына Хлопова: «людей его 3 (ч) в доспесех и в шеломех». «Ондрей Григорьев сын Тарбеева... в доспехе, аргамак на поводе; людей его 6 (ч), в них 5 (ч) в доспесех да (ч) в тегиляе».

В Немецком походе 7064 г. 35 помещиков выставили 127 холопов (60 в доспехах, 44 в тегиляях, 23 без доспеха). Получается 58,6 % в доспехах, 27,2 % в тегиляях, 14,2 % без доспехов. Здесь в большинстве случаев также указывали, сколько помещик выставил людей в доспехе, тегиляе и без доспеха. В 4 случаях писали, что помещик «в доспесе», в двух – «на коне в доспесе». Четыре раза было помечено, что выставленное количество людей – «опричь кошевых». Несколько специфична запись: «людей его 2 (ч) в тегиляях да 3 (ч) с копыи» – т.е. у тех, у кого не было защитного вооружения, помимо неотъемлемого саадака, отметили наличие наступательного вооружения (правда, подобный список был у этого помещика и на Серпуховской смотре – возможно случайное перенесение слов «с копыи» при выписке из Немецкого смотра).

«Лета 7063 в Свяжском на году» отмечено 3 группы: «Юшко Петров сын Федчищева... на коне в доспесе; людей его 5 (ч) на конех в доспесех и в шеломех, да конь прост», «Федор Меншой Семенов сын Есипова... на коне в саадаке и в сабле, в тегиляе в тонком з горносталя, в железной шапке; людей его (ч) на коне в саадаке и в сабле, с рогатиною, конь прост», «князь Петр княж

Васильев сын Пожарского.... на коне в доспесе без шелома, в саадаке и в сабле; людей его 2 (ч) в доспесех, на одном шапка железная, в саадацах и в саблях, с рогатинами». О Свяжском смотре 7064 г. сохранилось три записи: «сам на аргамачишке в доспесе и в шеломе; людей его 5 (ч) в доспесех без шеломов, 4 (ч) на конишкех, пятой на меринешке», «людей его 2 (ч) в доспесех», «сам на коне в доспесе; людей его 4 (ч) в доспесех и в шеломех, 3 (ч) на конех, а (ч) на мерине на добре, с копыи и с рогатинами, да конь».

О Нижегородском смотре 7064 г. сохранилось 14 записей (16 помещиков). Про оснащённость двух братьев-помещиков и ещё одного помещика ничего не сказано, сказано лишь, что братья выставили «2 (ч) в доспесех, а 2 (ч) в тегиляех и в шеломех», а другой помещик – «13 человек в доспесех на конех». В остальных группах уже видна новая практика записи на смотре. Про одного помещика и трёх его людей записано «на коне в саадаке и сабле». 12 помещиков значатся «на коне в доспехе», в т. ч. у 9 отмечен саадак с саблей, а одного – саадак с саблей и копьё. В трех группах отмечены 4 «коня простых». Они выставили 11 конных в доспехах, 4 конных в тегиляях (у двух в одной группе отмечены шеломы), 11 конных без доспехов, 19 пеших без доспехов. У всех этих людей значится саадак и сабля (у 2 пеших вместо сабли – рогатина, ещё у двух пеших – топорок; у одного конного из вооружения названа одна рогатина). У 4 доспешных (в одной группе) и у 4 конных без доспехов (в одной группе) также названы копыя. У одного конного бездоспешного названа рогатина. У одного пешего с саадаком и саблей названа пищаль.

Итак, вырисовывается следующая система записи о смотре. Изначально просто указывали на количество полковых людей, которые выставлял помещик, фиксируя наличие доспеха или тегиляя. Такая система резко преобладала даже в 7063-7064 гг. в смотрах в Польском и Немецком походах.

Начиная уже со «старых смотров» в связи с Черемисской войной обнаруживается новая практика делопроизводства. Постепенно начинают записывать, что люди были «на конех» (что можно связать с практикой

выставления пеших людей для гарнизонной службы). Причем наиболее активно новые практики внедрялись в Свияжских смотрах: уже на «старом смотре» там утвердилась практика записывать, что помещик был «на коне в доспесе» и что люди были «на конех». После зимнего похода 7063 г. такая практика стала резко преобладать и на Казанских смотрах, причем там стали фиксировать «коней простых». В Свияжских смотрах 7063-64 гг. видим то, чего не было в Казанских смотрах тех лет: стали отмечать наличие или отсутствие шлема (шелом или шапка железная), фиксировали тип тегилея («тегиляй тонкий» по боевым защитным возможностям не мог сравниться с обычным тегилеям), фиксировали вид коня (конь, конишко, мерин, меринишко). Также стали в ряде случаев перечислять вооружение (саадаки с саблями, рогатины). При этом в 7064 г. замечаем, что не отмечено неотъемлемое оружие (саадак с саблей), но фиксируется наличие копий и рогатин. Появление подобных расширенных записей связано с тем, что помещики на смотре могли формально подходить к оснащению себя и своих людей, не снабжая их полноценно защитным вооружением и хорошими конями, теперь же за это могли производить вычеты из жалованья. О том, что подобная практика вводилась локально и постепенно, говорит Нижегородский смотр 7064 г., где тип коней не указывался, наличие шлемов отмечалось только у части тегилеяйных, ничего не говорилось о типе тегилеяев. Там же встречаются случаи, когда наличие саадаков с саблями отмечается только у людей. Наступательное оружие так и не оказалось связано с выплатой жалованья, чем и можно объяснить непостоянство его фиксации в записях.

Примечательно, что в одной записи «Польского похода» указан не просто «доспех», а «бехтерец», т.е. отмечается тип доспеха, что до Серпуховского смотра больше нигде не появлялось.

Мы видим, что система записей смотров только формировалась, и в 1556 г. единого подхода ещё быть не могло. Это нужно учитывать при изучении Серпуховского смотра и Каширской десяти. Прежде всего учету подвергались корпусные доспехи и шлемы, а фиксация наступательного вооружения была

необязательной, оно могло быть отмечено на усмотрение подьячего в зависимости от его подхода к ведению записей.

На Серпуховском смотре 1556 г. (куда примыкали единичные смотренные записи, сделанные в других местах – на Усть-Протве, в Калуге, в Дедилове, по две записи в Михайлове городе и на Клетках) 92 помещика (8 без доспехов, 1 в тегиляе) выставили 508 боевых холопов (220 в доспехах, 166 в тегиляях, 122 без доспехов). Таким образом, среди полковых людей было 50,5 % доспешных, 27,8 % тегиляйных и 21,7 % бездоспешных людей.

Было отмечено 190 кошевых людей («с юки», «в кошу с юки», «в кошу», «в стану»), что составляет 24 %, но в ряде групп (14 из 88) их нет, что скорее связано с тем, что раньше просто не существовало практики отмечать подобную категорию, и реально их было больше. Записей об их вооружении почти никогда не делалось (раз встречается «тегиляй нетолст» – в группе из 3 «человек в кошу за юки», и раз «тегиляй с шапкой медной» – в группе из 4 «человек с юки»). Только по разу записали «в кошу на меренех», «на конех с юки», «человек на мерине юк ведет». Т. е. только из десятилетий 1570-х гг. можно понять, что кошевые были конными.

Прочно утверждается практика разделения коней на «коней», «меринов», «аргамаков» с градацией по качеству. Становится понятным, почему у помещика и его полковых людей отмечалось наличие «доспеха», тип тегиляя и шлема (шелом, железная или иная шапка) – за их отсутствие делался вычет из жалованья, а за людей в доспехе или тегиляях, выставленных сверх нормы, полагались выплаты. Не всегда писали «тегиляй толстый», но всегда, когда он упоминается, это относится ко всей группе полноценных тегиляйных. Есть и прямая запись, говорящая, что Уложение предписывало иметь именно «тегиляй толстый»: «Кушник Григорьев сын Верхъдеревского... А по уложенью взяти с него (ч) в доспехе да (ч) в тегиляе в толстом». В одной группе тегиляи названы камчатыми и атласными, в одной группе названы 4 суконных и 1 бархатный цветной тегиляй, и все они были признаны полноценными. У холопов дважды упомянут «тегиляй тонкий», которые противопоставлены полноценному

«тегиляю толстому» в тех же группах. Один раз у холопа назван «тегиляй камчат з горностаи», который не был признан полноценным тегиляем. Скорее всего, было только два типа тегиляев – тонкий и толстый, просто в смотренных списках редко указывали тип материала. Наличие тегиляев тонких, шапок медных и бумажных приравнивались к отсутствию тегиляев и шлемов (вероятно, это и стали фиксировать, потому что стала распространяться практика увеличения «статистов» на смотрах за счет использования неполноценных тегиляев и шлемов и за счет отсутствия шлемов при доспехах и тегиляях).

В десятиях 1570-х гг. шлем был практически неизменным при доспехе, а шапки бумажные и медные известны только по смотрам 1556 г. (если не считать некоторых парадных образцов медных шлемов в описях XVII в.). На Серпуховском смотре можно видеть большой процент холопов в металлическом доспехе, но без шлема или в шапках медных и бумажных. Эти факты объясняются практикой выставления «оснащенных статистов» в 1550-х гг., с чем впоследствии смогли справиться.

Если обратить внимание на те фрагменты в Серпуховском смотре, где есть записи о «старом смотре», то хорошо видно абсолютное и относительное увеличение людей в тегиляях, и в целом, если рассматривать прежние смотры, наблюдается увеличение доли тегиляйных людей. Можно сделать обоснованное предположение, что в 1553-1556 гг. шел процесс увеличения числа «полноценных воинов» за счёт введения тегиляя толстого, заменявшего доспех. О том, что эта практика не имела прочных корней, косвенно свидетельствует тот факт, что на смотрах 1570-х гг. самостоятельное ношение тегиляя было очень редким.

Повышения процента «доспешности» можно было достичь путём распределения комплекта (бехтерец + панцирь, металлический доспех + верхний тегиляй). Впрочем, таких комплектов было не так много, чтобы существенно увеличить число доспешных и тегиляйных. Такое распределение можно отследить. «Степан Улмезев сын Юренева... сам на коне в пансыре и в

шапке в железной; людей его (ч) на коне в доспесе и в шапке, с копьём, а другой (ч) на мерине в тегиляе и в шеломе, да за ним в полк (ч) на коне в пансыре и в шапке в медяной, с копьём, а другой (ч) в бехтерце и в шеломе, с рогатиною, да (ч) в тегиляе и в шеломе, да 2 коня просты, да 3 (ч) в кошу». Тут в дорогом бехтерце человек «с конём простым». При этом помещик – в простом панцире. И тут же мы видим шапку медную. «Дмитрей Костянтинов сын Хлопов... сам на коне в пансыре и в шеломе с наручми; людей его в полк 6 (ч) на конех в саадацах и в саблях с копы, в них 3 (ч) в пансырех и в шеломех, а четвертой в бехтерце, в шапке в железной, 2 в тегиляех в толстых, на одном шапка железная, а на другом медена». Снова видим, что у помещика панцирь, а бехтерец – у холопа, и опять же медная шапка. «Василей Меншой Ондреев сын Вельяминов Сабуров... сам на коне в пансыре и в шапке и в наручах; да за ним 3 (ч) на конех, человек в пансыре и в шапке, а 2 в бехтерцах с копы да с рогатиною, на одном шапка медяная, а другая железная, да человек на коне в приволоке бархатной, да (ч) на мерине в тегиляе в толстом без шелома». Первая шапка тоже явно была медной – она не была признана шлемом. Можно подозревать, что было всего 2 комплекта, каждый из которых включал бехтерец, шапку железную, панцирь, тегиляй/приволоку. «Григорей Левонтъев сын Онсимов... на коне в полном доспехе; 3 (ч) на конех в пансырех и в шеломех, с копы и с рогатинами, четвертой (ч) в бехтерце и с наручи, на коне, а на пятом приволока бархатна, на мерине, 2 коня просты, 2 (ч) в кошу. И передал (ч) в бехтерце без шелома». Видим бехтерец без шлема у холопа (тут даже можно предполагать, что бехтерец и наручи он взял у одного настоящего боевого холопа).

В Боярской книге у 88 воинов назван тип металлического доспеха (55 панцирей, 1 кольчуга, 1 бармица, 1 зеркало, 4 куйка, 24 бехтерца, 2 юшмана). Таким образом, получается, что 35 % доспешных имели тяжёлый доспех (бехтерец, юшман, зеркало, куйка). И этот процент будет ещё больше, если предполагать, что часть комплектов (бехтерец + панцирь) распределялись между двумя бойцами. Это число резко отличается в сравнении с данными

десятен 1570-х гг., когда тяжелый доспех был редкостью. Упоминание здесь кукков – единственное в источниках до XVII в., также упомянуты 3 бехтерца «с бармицей» (1 у помещика, 2 у холопов). Про бармицу уточняется в другой записи: «Костянтин княж Федоров сын Перемышского... на коне в бехтерце без бармицы, в шапке в железной; людей... да (ч) в бармице на коне – за пансыря место» (он был посчитан за доспешного).

Есть в Боярской книге и упоминания саадаков без сабель. Возникает вопрос: насколько в 1550-е гг. было распространено такое их употребление? В записях Серпуховского смотра можно насчитать 51 саадак с саблями (в 10 группах) на 11 саадаков, у которых сабля не указана. В двух случаях это было сказано про всю свиту в 6 и 3 всадника, а в третьем случае описывается свита из 4 тегилейных и 2 человек «в саадацах». Исходя из этого, можно предположить, что тут имеет место терминологическое сокращение, а на деле сабля при саадаке была практически непременной (показательно, что она есть даже у беднейших воинов). Отметим, что в делопроизводственной практике 2-й пол. XVI в. (ранее примеров этого почти нет) «сабли» писали неизменно вслед за «саадаком», что подразумевало их обыденную сочетаемость, а в практике начала XVII в. мы видим выражение «саадак без сабли»²⁹, «саадак со всем, и сабля и луком»³⁰.

На Серпуховском смотре из 95 групп в 32 нет упоминаний о наступательном вооружении. Из 63 «вооружённых» групп в 5 нет упоминаний о копьях или рогатинах: отмечено 5 помещиков (1 без доспеха), которые выставили 17 всадников без доспехов и 3 в тегилеях. Хорошо видно, что эта категория (без копейного оружия) относилась к низшим слоям. Примечательно, что только у одного из этих помещиков есть саадак. Это однозначно указывает на укрепление в практике делопроизводства традиции перечислять орудия помещиков, тогда как на прошлых смотрах фиксировались только орудия холопов.

Всего можно насчитать 58 «копейных» групп, но только в 8 вместе с копьями и рогатинами отмечены саадаки; ещё в одной отмечены саадаки у тех,

у кого не было рогатин и копий. Из этих 58 групп вначале рассмотрим 49. Только в 19 из них у помещиков значится копьё (что не дает полной картины, если все же учитывать практику не перечислять орудия помещика). В свитах было отмечено 208 людей с копьями и рогатинами (103 в доспехе, 71 в тегиляе, 34 без доспеха) и 76 без них (2 доспешных в одной свите, 3 доспешных без шелома, человек в бармице, 33 в тегиляях и 37 без доспеха). Теперь рассмотрим остальные 9 групп. Четверо помещиков в доспехах и с копьями выставили 17 холопов (8 в доспехах, 6 в тегиляях, 3 без доспеха), у которых вооружение не значится. Ещё в 4 группах копьё отмечены только у самой низшей категории (человек в тегиляе тонком на 4 доспешных, человек в тегиляе толстом без шлема на 2 доспешных, 3 бездоспешных на 2 человек в тегиляях толстых и шеломах, 2 человека в тегиляях тонких на доспешного и тегиляйного). Есть все основания предполагать, что это были оруженосцы. То же можно сказать про последнюю «копейную группу»: «Федор Васильев сын Лодыгин... на коне в бехтерце, в саадаке и в сабле; за ним (ч) на коне в тегиляе в толстом, с копьём, в саадаке и в сабле, да другой человек с конем с простым без седла».

Только раз прямо говорится о копьеносце у помещика: «Нелюб Тимофеев сын Зачесломского...; людей его 10 (ч), в них 6 (ч) в доспесех..., 4 о двуконь, а 2 об один, 4 (ч) в тегиляях в толстых на конех..., все с копы..., (ч) с его аргамаком и с копьём и з доспехом». Можно предположить, что у части помещиков, у которых не отмечены копьё, их нёс человек в свите.

Из этого следует, что иметь копьё для полноценного воина (в доспехе) было нормой. Ни у одного помещика нет рогатины, и большинство рогатин сосредоточено у тегиляйных и бездоспешных. Следовательно, копьё было более статусным оружием. Копий явно больше, но выяснить соотношение копий и рогатин сложно, т. к. часто про свиту писали обобщённо «с копьями и рогатинами». Записи о Нижегородском смотре отличаются редкостью упоминаний копий и рогатин. Однако это можно объяснить спецификой военной обстановки, в которой проходил смотр, или просто особенностями ведения записей на смотре.

Каширская десятина

Каширская десятина 1556 г.³¹ дошла в списках XVIII в., из-за чего она отличается неполнотой и не позволяет воссоздать точную картину вооружения городской корпорации тех лет. Некоторые дворовые дети из Каширской десятины, о которых нет данных по вооружению (Александр Степанов сын Лихарев, Князь Иван княж Федоров сын Перемыцкаго), отмечены в Боярской книге. Т. е. в десятне упомянуто вооружение только тех, кто был в Кашире. Боярская книга показывает оружие дворовых людей боярских, в среднем, более обеспеченных, чем городские дети боярские. Однако ориентироваться на неё при изучении вооружения городских корпораций вполне допустимо. А лучшие городские дети боярские, которые направлялись в походы в первую очередь, не отличались от дворовых детей боярских.

Т. к. сохранились записи «без доспеха», «без шелома», то можно сделать вывод, что и к городской корпорации прилагались соответствующие нормы Уложения: доспех или (у холопа) тегиляй толстый с шлемом. Также видим помещиков «в доспехе без шелома» (5 – на 33 в шлемах), шапку медную у холопа в тегиляе толстом (на 9 холопов в доспехе и шлеме и 9 холопов в тегиляе и шлеме), помещика в панцире, у которого был человек в бехтерце. Мы видим свидетельства того, что помещики старались показательно увеличить «доспешность и людность».

Из 732 воинов у 590 ничего не сказано о доспехе, у 4 отмечено отсутствие доспеха, у 62 назван тегиляй (у 48 холопов), у 45 отмечено наличие «доспеха» (у 18 холопов), у 25 назван панцирь (у 6 холопов), у 6 – бехтерец (у 2 холопов). По буквальным подсчетам получается, что среди доспешных было 55 % в металлических доспехах и 45 % – тегиляйных, а среди металлических доспехов было 19 % бехтерцев. Насколько эта выборка соответствует данным всей корпорации – сказать сложно. Так, из 18 холопов «в доспехах» 14 сосредоточены в 3 свитах дворовых детей боярских (группы в 8, 4, 2 всадника). Такое распределение может дать слишком большую погрешность.

В списке значится 1 помещик «без саадака», 1 помещик с топорком, 38 помещиков с саадаками (только у одного из них кроме саадака отмечен доспех без шелома), в т. ч. у 7 не было холопов, у 20 был кошевой холоп (в т. ч. у 5 отмечен саадак), у 4 отмечен один холоп (вероятно, это были кошевые), а ещё 8 помещиков выставили 10 полковых (у 5 отмечены саадаки, у 1 рогатина) и 7 кошевых холопов. Ещё отмечены 19 полковых холопов с саадаками в 13 группах, в которых больше ничего из вооружения не отмечено. Также в других группах отмечен 31 полковой холоп с саадаком (9 в тегилях, 1 в приволоке) и кошевой с саадаком. В 6 группах с саадаком отмечен только кошевой, в т. ч. в 3 случаях это был единственный холоп у помещика; а ещё в одной группе отмечены два кошевых с саадаками. Также отмечено 29 помещиков с копьями (3 в доспехе, 7 в панцире, 1 в бехтерце, 2 в тегиляе), 12 помещиков с рогатинами (1 в бехтерце, 1 в тегиляе, 2 в доспехе), 18 холопов с копьями (9 в доспехе (8 в одной свите), 1 в бехтерце, 2 в тегиляе), 2 холопа с копьями и саадаками, 22 холопа с рогатинами (1 в доспехе, 2 в тегиляе), 5 холопов с рогатинами и саадаками (1 в шеломе). Все помещики с копьями и рогатинами имеют по одному и более полковых и кошевых холопов (только у одного с копьем и одного с рогатиной не было холопов, а ещё у одного помещика с рогатиной был только один кошевой холоп), что резко отличает их от помещиков только с саадаками.

Из этих отрывочных сведений видно, что копьё и рогатины сосредотачивались в лучшей части городской корпорации, и практически все доспешные имели их на вооружении. Также «копьё» по статусу особо не превосходят «рогатины», в этом обнаруживается отличие от данных Боярской книги. Но при составлении тех и других документов могли по-разному понимать определения «копьё» и «рогатины».

Среди всех саадаков в десятне только у 13 холопов при них отмечена сабля. Но сабли отмечены сразу у всей свиты – 6, 3 и дважды по 2 всадника. Получается, нет записей о том, что кто-то в группе был в саадаке, а кто-то в саадаке с саблей. Вполне оправданно можно утверждать, что записи о саадаках

без упоминания сабли – это сокращения при переписке, а изначально везде или почти везде было записано или подразумевалось: «саадак с саблей».

Единственная формулировка «без саадака» (схожая с формулировками «без доспеха», «без шелома») заставляет сделать предположение, что в Уложении также было указание на необходимый минимум вооружения - саадаки.

Всего имеются записи о 263 кошевых холопах (на 363 боевых холопа и 369 помещиков, о которых есть запись об обеспечении службы), т. е. кошевые холопы составляли 26 %. Поскольку довольно часто у кошевых отмечен саадак, причём, чаще всего фиксировался он у низших категорий помещиков, то можно сделать вывод, что он был для них типичным орудием.

Смотренные списки 1554-1571 гг.

В Боярской книге смотренные списки – это не десятки, а записи о смотрах во время военных операций. Вероятно, и для городских детей боярских смотры боеготовности изначально проводились во время походов. По крайней мере, это следует из документов Записной книги новгородской приказной избы 1555-1565 гг., которые в основном посвящены делам новгородских землевладельцев. Смотренные записи наличествуют в явочных списках, предоставленных полковыми воеводами.

Зимний Казанский поход 1554-1555 гг.: Никита Костянтинов Сабуров «в доспехе, о дву конь, да человек без доспеху»³², Смирной Семенов Кудрявцев «на коне, да с ним человек на меринце»³³, Иван Борисов Ярцов «на коне, в доспесе, да с ним человек с конем простым»³⁴. Эти записи ещё раз наглядно демонстрируют, что до 1555-1556 гг. записи о боеготовности были краткими (количество боевых холопов, наличие/отсутствие доспеха, количество основных и простых коней).

Там же сохранились записи о смотрах 1560-1564 гг.³⁵ Юрьевский смотр 1560 г.: князь Иван княж Васильев сын Мещерский «на коне в зеркале и в шелома, восемь человек на конех, в них семь в пансырех, человек в тегиляе толстом, все в шеломах, три кони просты, три человеки в кошу». Смотр

ливонского похода 1560 г. у боярина И. Ф. Мстиславского: «Богданец Неклюдов сын Глебов у смотру на коне, в пансыреи в шапке железной, за ним два человека, один в пансыре, а другой в тегиле толстом, в шапке железной, оба на меринах, конь прост, человек с юком». Фёдор Неклюдов сын Глебов «на коне в пансыре и в шеломе», «конь прост», «человек на мерине в тигиле в толстом и в шапке железной», «человек с юком». Холмский смотр 1564 г. (Бежецкая десятня): Богдан Неклюдов сын Глебов «о дву конь, пансыре в шапке железной», «два человека, один на коне в пансыре, а другой на мерине в тегиле толстом и в шапках железных, с копыи», «три человека в кошу с юки»; Фёдор Неклюдов сын Глебов «на коне в пансыре в шапке железной», «человек на мерине в тегиле в толстом в шапке железной с копьём», «человек в кошу с юком».

Видна та же система записи, которая преобладала в Серпуховском смотре: краткие записи о кошевых людях, перечисление типов корпусного доспеха, коней, доспехов и шлемов. Вооружение фиксируется непостоянно, и то в первую очередь у холопов – на Холмском смотре сообщалось о наличии копий у боевой свиты (примечательно, что копыя были у всех). Видно, что, как и на Серпуховском смотре, из корпусных металлических доспехов преобладал панцирь, и тегилей толстый имел заметное распространение. При этом у всех есть полноценный шлем.

Сохранились отдельные выписки из десятен 1569-71 гг., сделанные в XVIII в.³⁶ Эти данные с трудом поддаются статистике, однако, некоторые закономерности все же прослеживаются.

Нижегородская десятня (1569 г.): Василий Остафьев сын Приклонский «на коне, в доспесе, в шеломе, в саадаке, в сабле, с копьём», «три человека на конех, в доспесех, в шапках железных, с рогатинами» «да два коня простых», «три человека на меринках с юки, с топорки»; Ташлык Степанов сын Приклонский «два человека на конех, в доспесех, в шеломех, в саадаках, в саблех, с рогатиною», «конь прост», «два человека на меринках с юки, с топорки»; Пётр Андреев сын Приклонский «человек на меринке с юком, с

топорком»; Семейка Иванов сын Приклонский «человек на коне в доспесе, в шапке железной, в саадаке, в сабле, с рогатиною, с конём простым», «человек на меринке с юком, с топорком»; Богдан Иванов сын Мошенский «человек на меринке с юком, с топорком».

Владимир (1570 г.): Ермолай Третьяков сын Васильев «на мерине, в бехтерце, в саадаке, в сабле», «человек на мерине в кошу»; Иван Аксенов сын Максимов «на мерине, в саадаке, в сабле»; Дмитрий Федоров сын Игнетьев «на коне, в доспехе, в шеломе, в саадаке, в сабле», «человек на коне, в доспехе, в шеломе, в саадаке, в сабле», «человек на мерине в кошу»; Павлин Никитин сын Уваров «на коне, в пансыре, в шеломе, в саадаке, в сабле; конь прост», «два человека на конех, в пансырех, в шапках железных, в саадаках, саблех» «человек на мерине в кошу»; Янка Матвеев сын Крупенин «на мерине, в тегиляе в толстом, в саадаке, в сабле»; Третьяк Иванов сын Неверов «на мерине, в саадаке, в сабле»; Иван Верещагин сын Зызолев «на коне, в доспехе, в шапке железной, в саадаке, в сабле», «человек на мерине, в кошу»; Семен Фомин сын Савин «на мерине, в саадаке, в сабле»; Истомин Звориков «на мерине, в саадаке, в сабле».

Кашира (1570 г.): «Князь Юрья княж Иванов сын Мещерский. Быть ему одвуконь, в доспехе, в шеломе, с копьем, да два человека одву ж конь, в доспесех и в шеломех, с копьм, да человек в тегиляе в толстом и в шапке железной, да человек с юком».

Кашира (1571 г.): Алеша Матвеев сын Мосолов «одву конь в пансыре в шапке железной», «человек с юком»; «Васька Матвеев сын Мосолов... на коне, в пансыре, в шапке железной, человек с юком».

Мещерская десятня (1571 г.): «Иван Иванов сын Любовников... о дву конь, в пансыре, в шапке железной, в сайдаке, в сабле, да с ним человек о двуконь в доспехе, в сайдаке, с топорком, да человек на мерине в кошу с юком»; Отай Борисов сын Любовников «на коне, в пансыре, в шапке железной, в сайдаке, в сабле да конь прост», «человек с юком».

Мы видим, что входит в обычай записывать наступательное вооружение, распространяется практика отмечать, что кошевые люди были верхом. Всё ещё не записывается конкретный вид корпусного доспеха, а просто стоит отметка «доспех». Примечательно, что в данных выписках на 7 панцирей был 1 бехтерец (причём у бедного помещика, и это единственный случай, когда при доспехе не отмечен шлем). Можно заметить серьезное снижение удельного числа тегилеев. Нижегородская десятня 1569 г. и Каширская десятня 1570 г., как и Бежецкая десятня 1564 г., показывают, что копья и рогатины продолжали оставаться широко распространённым оружием. Но Владимирская и Мещерская десяти показывают, что не все доспешные имели копья. В Мещерской десяти примечательно уникальное упоминание комплекта из саадака с топорком у боевого холопа (хотя тот факт, что он был доспешным, заставляет сомневаться, что у него не было сабли – возможно, это просто опущение при переписке). Из Нижегородской десяти видим, что нередко кошевые могли вооружаться одним топорком.

Духовные грамоты

До нас дошло большое число духовных грамот (завещаний) помещиков XV-XVI вв. В основном они дошли в подлиннике, некоторые в списках XVII в. Надо учитывать, что материальное состояние дворян, чьи грамоты до нас дошли, было, как правило, средним или выше среднего. Тем не менее, из них можно почерпнуть и общие сведения о боевом оснащении.

Наиболее ранняя духовная грамота, в которой говорится о вооружении – духовная князя Андрея Федоровича Голенина (до 1482 г.): «А которых есми людей своих отпустил на слободу, ино у них мои пансыри и шеломы, и жена моя те пансыри и шеломы поемлет»³⁷. Отсюда видно, что защитное вооружение «людей» являлось собственностью князя. В духовной князя Юрия Андреевича Оболенского (между 1547 и 1565 гг.) записано, что люди отпускались на свободу, и им оставляли «коней и платья и доспеху и всякие рухляди служебные и неслужебные»³⁸. Но под «доспехом» могло пониматься и

наступательное вооружение. В духовной Василия Петровича Кутузова (1560-61 гг.) «А что мои люди полные и докладные и кобальные, и те люди все на слободу. А что у них моего данья, платья и саодаки, и сабли, и седла, то у них готово. Да приказщики ж мои дадут человеку моему Андрюше конь с седлом и с уздою, да тегилай, да шолом».³⁹ В духовной князей Ивана и Григория Петровичей Звенигородских (1562-1563 гг.) людей предписывалось «отпустить, хто нам чем служил ил [и; отсутствуют 9-10 букв], у них и саадаков и сабель и седел и платья... [отсутствуют 16-18 букв; у] кого не будет лошади, ино им пожаловати, посмотри по человеку – иному дати конек, а иному мерина»⁴⁰. Получается что защитное вооружение являлось собственностью помещика, а наступательное вооружение, одежда, конское снаряжение и кони считалось собственностью его людей.

В духовной Дмитрия Григорьевича Плещеева (1558-1559 гг.): «А что моего доспеху пансырев и юмшянов, и бехтерцов, и зеркало, и шапок мисюрских, и шеломов, и копей, да щит турской железен, да два тегиляе бархатных з золотам, и из того даспеху приказщики мои дадут братье моей Миките да Роману да Григорью по два пансыря да по два шелома да шюрину моему князю Богдану дати зеркало; а что останетца даспеху всякого и тегиляев мухоярных и безенных, и приказщики мои тот мой даспех весь продадут»⁴¹. Мухоярные и безенные тегиляя – это простые тегиляи. Отсюда видно, что в арсенале помещика было защитное вооружение, а также копья. Примечателен клад, найденный в Ипатьевском переулке, в котором находились 10 пик, листовидное копье, рогатина, 5 шлемов, 5 кольчуг, обломки стремян⁴². Так, мы видим «арсенал помещика», состоящий из 5 комплектов доспехов и копий. Есть и описание того, как хранился доспех. В духовной окольного Семёна Дмитриевича Пешкова Сабурова (1559-60 гг.) говорится о казне, в которой были «сундук большой с платьем, да коробья большая лубяная с тегиляи, да две коробьи лубяные с доспехом, да коробья Петрова племянника моего Пешкова с платьишком да с доспехом»⁴³.

В духовных часто фиксируется, что вооружение могло даваться взаймы. В духовной Петра Михайловича Плещеева (до 1510 г.) упоминается данный взаймы «шолом грановит»⁴⁴. В духовной Афанасия Ивановича Шадрина 1525 г. среди заложенных вещей названы «шолом» в 60 копеек и «колчюга» в 2,1 рубля⁴⁵. В духовной грамоте В. Есипова (до 1528 г.) говорится, что нужно отдать «тегилай киндячен», «саблю черькаскую»⁴⁶. В духовной Тимофея Бусурменова (1530-1550-е гг.)⁴⁷ отмечено, что у должника должна быть возвращена «сабля черкасская с наводом». В духовной Григория Михайловича Валуева (1543-44 гг.) среди вещей, которые ему были должны разные люди, значатся «лук ординской, а цена рубль», «пансырь шюмячен, а цена ему два рубля»⁴⁸. В духовной Дмитрия Александровича Белеутова 1543-1544 гг. среди вещей, предназначенным для раздачи разным людям, упомянуты «бехтерь, да шолом московскова дела», «зерцала московския»⁴⁹, «пансырь московская», «шолом шамахейской»⁵⁰. В духовной Никиты Александровича Ростовского 1548 г. говорится, что нужно было дать князю Елецкому «юмшан да сабля турьская», а с него взять – «две сабли турьския»⁵¹. В духовной князя Юрия Андреевича Оболенского (между 1547 и 1565 гг.) среди вещей, данных взаймы, называет «пищаль зверину»⁵², затем ещё одна «пищаль зверина, цена ей два рубля», «шолом тамошней черкасской да юмшан шамахейской, а цена шелому и юмшану пятьдесят рублей», «шелом московское дело грановит, грани широкие, прямые, наложен серебром – цена шелому пять рублей»⁵³. Духовная Василия Иванова сына Внукова Пушкина (1556-1557 гг.) упоминает отданный взаймы «пансырь..., а цена ему семь рублей»⁵⁴. В духовной Дмитрия Григорьевича Плещеева (1558-59 гг.) называется взятый взаймы «пансырь»⁵⁵. В духовной Ивана Афанасьевича Тютчева (1558-1559 гг.) упоминаются заложенные «ножи булатные, а цена им сорок алтын»⁵⁶. В духовной окольного Семёна Дмитриевича Пешкова Сабурова (1559-60 гг.) говорится о заложенном в 2 рубля панцирь⁵⁷. В духовной Василия Петровича Кутузова (1560-1561 гг.) говорится: «дати ми Федору Андрееву сыну Писемского пятнатцать рублей денег, а в тех еси деньгах заложил три пансыри

немецкие»⁵⁸. В духовной Дмитрия Михайловича Плещеева 1561-1562 гг. говорилось, что нужно взять у разных людей «шелом косые грани навожен», «шелом людцкой», «колчуга», «нож буди булатен зловта врезыван черен рыбий зуб», «тигиляи бархат синь злотом, восм рублей», «шелом гладкой венец наложен золотом», «два бехтерцы да шелом», «пансырь», «пансырь, да шелом, да тигиляй толстый», «бехтерец», «пансырь», «два пансыря», «за колчугу пятнадцать рублей»⁵⁹. В духовной князей Ивана и Григория Петровичей Звенигородских (1562-1563 гг.) называются данные займы «пансыри»⁶⁰. В духовной Семена Васильева сына Степанова (1569-1570 гг.) называются заложенные в 15 рублей «шапка сажена да пансырь»⁶¹, «умшан позолочен»⁶², «служивую рухлядь, пансыри и шоломы и суды деревянные»⁶³. В духовной грамоте Мясода Вислого (около 1568-1570 гг.) говорится, что следует отдать «шолом да пансырь»; «пансырь, да бехтерец, да шолом, да наручи, да саадак, да саблю ездovou»⁶⁴.

Таким образом, обычно займы брали доспехи и шлемы, гораздо реже сабли и луки. Это можно связать с тем, что саадаки с саблями были повседневной принадлежностью, а доспехи могли брать, когда собирались в походы или на смотры. Только один раз видим данный займы комплект вооружения (у Мясода Вислого).

Примерно тех же лет есть запись об еще одном подобном комплекте. В духовной князя Юрия Андреевича Оболенского (между 1547 и 1565 гг.): «Да дочери ж моей приволока бархат на рудожелте земле, червчат, шелком з горностаи; да доспех мой, да бехтерец шемохейской, наручи, наколенки шемохейские; сабля турская, долы резаны, наложены золотом, ножны у нее окованы серебром, оковы резаны, золочены, на подзоры, пояс у нее шолков, оковы серебряны, резаны, золочены; да са...[бля – отсутствуют 12-14 букв] резана, ножны оковы серебряны, резаны, на обеих саблях резано мое имя ... [конец строки оборван, отсутствуют 14-16 букв]рмян окован серебром семьдесят стрел с одною; и кибирей и аргичей; и каи... [конец строки оборван, отсутствуют 14-16 букв] с кречатым перьем да с орловым; да два лука

крымские; да тринадцать седел ...[отсутствуют 17-19 букв]тны и сафьянны и с войлоки»⁶⁵. В этом комплекте явно пропущен шлем – он, наверное, был упомянут в пропущенном перед стрелами месте.

Духовная 1574 г. вятчанина Ивана Шелома среди имущества называет: «нож булатной, черен рыбей зуб, доспех пансырь, да три сабли, одна булатная доновская, а другая крымская, черен шеревой, да шапка железная боевая, да наручи железные золотцем новожены, да... с наколенниками», а также отдельно называет «две рогатины; да топорок боевой, черен обвит медью да железом, да другой топорок московское дело»⁶⁶. В духовной князя Ивана Михайловича Глинского 1586 г.: «у меня саадаков и сабель; саадак шит золотом да серебром волоченым и неволоченым да шелки у нево у привязок бенди серебряны, да чепь серебряна в три звена, да саадак ездовой у привязок бенди серебряны; да две сабли, в одних ножнаж оковы серебряны позолочены, да сабля ножны окованы серебром, да сабля ездовая сталная наведена золотом, ножны поволочены гзом, и што моего доспеху юмшян мисюрской, у нево оплечки и подставка боданная, да пансыр немецкой, да пансыр англинской, да шелм наведен через гран золотом, да копье сталное наведено золотом, да рогатина сталная наведена золотом, да зеркала мишени золочены, да счит булатной врезыван золотом, да счит сталной грани наведены золотом да серебром <...> юмшян булатен наведен золотом, да шелом большой врезыван золотом<...>саадак шит золотом да серебром волоченым большой, у нево оковы золоты да сабля ширяйское дело булатная, ножны окованы серебром золочены<...>саадак другой шит золотом да серебром волоченым да сабля булатная литовское дело, ножны поволочены бархатом оковы серебряны золочены»⁶⁷.

В духовных конца XVI в. комплекты вооружения на несколько человек включают не только шлемы и доспехи, но и саадаки с саблями. Можно полагать, что теперь и саадаки с саблями стали обычно считаться собственностью помещика. В духовной Матвея Дмитриевича Пыжева 1585-1586 гг. названы «три доспеха, да три шелома, да восьм саадаков, да восьм

сабель»⁶⁸. В духовной 1600 г. сына боярского среди имущества числились 2 саадака, 2 сабли, 2 пансыря, 2 шапки, шелом⁶⁹.

Дошло несколько описаний комплектов защитного вооружения времен Василия III. Комплект доспеха, завещанный по частям двум сыновьям, есть в духовной Захарья Фёдорова сына Катунина (не позднее 1519 г.): «пансырь..., да шолом и наручи»⁷⁰. В духовной Григория Дмитриева Русинова (1521-1522 гг.) среди имущества, отосланного со службы, назван «короб(ь)ю з доспехом, а в короб(ь)е доспеху: пят(ь) пансыров, да пят(ь) шоломов, да наручи шамахинские, да трои наручи московские, да наколенки; да тут же въ короб(ь)е закладной пансыр(ь) въ четырех гривнах Григор(ь)я Васил(ь)ева с(ы)на Плещеева, и прикащики мои те ден(ь)ги воз(ь)мутъ, а пансыр(ь) отдадут». Также у него были «на службе доспеху: шоломъ шамахеиской да бехтерец...»⁷¹. Здесь мы видим комплекты: панцирь и шелом (2 комплекта), панцирь, шелом и наручи (3 комплекта), комплект самого помещика (импортные шелом, бехтерец, также отосланные панцирь, наручи, наколенники). Зафиксирован важный факт использования на службе взятого под заклад доспеха. Духовная грамота В. Есипова (до 1528 г.) завещает жене «пять пансырев; да три бехтерци, да трои наколенки, да шестеры наручи, да кольчюга; да шесть шеломов; да трои боторлыки»⁷². Итого 6 комплектов: 3 комплекта включают шлем, бехтерец, панцирь, наручи, наколенники, бутурлыки; 3 комплекта включают шлем, панцирь (кольчугу), наручи. Также отдельно завещаны были «тегиляй камчат» и «саадак»⁷³. Можно сделать вывод, что у «людей» Русинова и Есипова доспех принадлежал хозяину, а наступательное оружие, конский убор и пр. были личными.

В духовных 2-й половины XVI в. нередко встречаются в завещаниях комплекты из шлема и панциря. В духовной Степан Головин сын Обобурова (1558-1559 гг.) завещано дочери «пансырь меделенской; до шелом шумарской гроновит»⁷⁴. В духовной окольного Семёна Дмитриевича Пешкова Сабурова (1559-1560 гг.) было завещано трём племянникам «по коню, по пансырю, да по шолому», в т. ч. одному из них – «тегиляй камчат камка багорова опушен

горностаем», а его сыну – «пансырь, да шолом»⁷⁵. В духовной Василия Петровича Кутузова (1560-1561 гг.) в монастырь были завещаны: «пансырь немецкой да шолом»⁷⁶. Иван Васильев сын Мечова (1567-1568 г.) завещал из вооружения брату «пансырь, да шапка железная», а двум другим братьям «по тегилю по киндячному да по шапке по железной»⁷⁷. Наручи в это время при панцире упоминались нечасто. В духовной Семёна Михайловича Мезецкого 1558 г. называется защитный комплект из «пансыря немецкого, шолома шамахейского, да наручей, да наколенок, да батарлыков, наложенных золотом и серебром» стоимостью 10 рублей⁷⁸.

Копья и рогатины почти не встречаются в завещаниях (также как топоры и ножи), что можно объяснить их невысокой стоимостью. В анонимной духовной середины XVI в. говорится о завещанной жене «служебные рухляди: две рогатины, да две сабли», а также упоминается завещанный двум сыновьям «саадак мой новой»⁷⁹. В духовной Семёна Михайловича Мезецкого племяннику были завещаны два копья и рогатина⁸⁰.

В описи имущества Михаила Татищева 1608 г. среди «служилой люцкой рухляди» названы 13 саадаков (8 с луками), «полаш литовской, да кортишко, да 13 сабель все плохии», 8 рогатин, 21 самопал⁸¹, а среди «служилой рухляди» названы «доспех зобанец, бархат зелен, цена 10 рублей», «3 подшоломники стеганы», «пансырь без ожерелья; цена 20 алтын», «шапка черкаская», саадак, 2 сабли, 2 хонжара, 2 ножа, топорок, чекан, рогатина, 4 самопала⁸². Что такое «доспех зобанец» – можно только гадать. «Люцкая служилая рухлядь» – это явно не комплекты для походов, а резервное оружие. Примечательно большое количество самопалов, что сильно контрастирует с духовными XVI в. Также следует отметить первое упоминание палаша и чекана в документах.

Обидные списки и явочные челобитные

О комплексе вооружения эти документы не могут дать исчерпывающих данных. В основном по ним можно представить одежду, которую носили в походе, и некоторые другие элементы походного оснащения.

В грамоте 1489 г., адресованной литовскому князю, приведён «список, что от послов великого князя люди бежали, покрадчи, в Литовской земле»⁸³. «Бежали три человеки... взяли... шесть коней в сёдлах, да три тегиляи камчаты, да терлик камчат, да два терлика тафтяных, да охабень зуфь зелен, да две однорядки ипские, да три сагадаки, да две сабли булатны, да третья сабля железна». «На королеве дворе украли двое робят, одного зовут Степанцом, а другово зовут Ляпунцем... а украли одного детину ис клетки верхом, а другово детину на дворе взяли, а с ним рухляди взяли две однорядки ипские, да однорядка новгородская, да два тегиляи тафтяны, да терлик безинен... да ножи с тясмою, да двое лошадей, да сагадак, да сабля булатна, да платье белое, да двои чеботы». Тут видим примерно то же оснащение. Другой беглец взял «два ножа, один рыбей зуб, булатен, а другой сандален, булатен же, окован золотом, да шапка соболья обложена соболем же, да терлик тафта ала, да две однорядки ипские, да лошадь воронь, да седло берестяник плоские луки, да сагадак новь, да епанчю бурьскую». Здесь саадак без сабли, но этот список при этом наиболее богатый (это может говорить о том, что саблю просто не взяли). Список показывает походное снаряжение воинов: саадак, сабля, пара ножей и одежда (тегиляй/терлик/охабень, тегиляй/терлик/однорядка, тегиляй/однорядка/однорядка, терлик/однорядка/однорядка, шапка).

В 1489 г. в жалобе московского князя великому князю литовскому перечислялись товары, которые литовские подданные отняли у рязанского купца и его сына, ехавшего из Крыма⁸⁴: «да два терлика хандрячны, да огабень обьяри, да саблю гирейскую, да саблю турскую, да саблю черкаску, да два тегиляя тафтяны, да три сафьяны червьчаты, да три сагадаки, да бумажник, да одеяло, да терлик безиненен, да ковер». Тут видим комплект для трёх человек: саадак с саблей, терлик, сафьян, тегиляй или охабень. У другого купца, помимо товара, отняли: «седло, да сагадак, да тегиляй камчат куфтери, да котел путной»⁸⁵.

Кроме описания одежды, из этих источников видно, что в конце XV в. для военных слуг богатых дворян и купцов при саадаке было привычным иметь

далеко не простую саблю. Демонстрируется распространенная практика ношения тегиляя. Но неясно, правда, идет ли речь о тегиляе толстом (стеганом доспехе) или тегиляе тонком (стеганом кафтане).

Во время дипломатического общения с тюркскими народами имели место случаи, когда у послов и гонцов принудительно брали подарки (в документах писали «грабили»). Существуют «обидные списки» товаров, которых лишились русские купцы в Кафе. По ним можно узнать данные о ценах (при этом нужно учитывать, что это цены на вооружение, которое по качеству было выше среднего). В жалобе 1496 г. в Крым говорится: «да кирккирского наместника сын Мамашев взял у великого князя людей силно за пошлиною две однорятки, да два сагадака, да полотно, да дватцать стрел. Да Муртоза бакшей ограбил Осташова сына Рязанцова, а взял саблю, а цена ей полтретььцать алтын [75 копеек], да сорок стрел, десяток по десяти алтын, да пять аргичей, да два ташлыка, да узду, да нож долгой, да калпак. А грабил его перед Серкизом перед Кафинцом»⁸⁶. В грамоте 1500 г. отмечалось, что ханский наместник в Очакове у русского посланника в Молдавию забрал «пансырь, цена ему семь рублей, да седло, цена ему 3 рубли»⁸⁷. В грамоте 1500 г. говорится, что в 1491 г. русский купец оставил (не получив деньги) в Кафе рыбьего зуба на 29 рублей и «пансырь 500 денег атманскую» (т.е. 5 рублей)⁸⁸. В грамоте 1501 г. упоминался отобранный у торговых людей товар: «четыре седла, пятьдесят стрел, пятьдесят тясем ролдужных, да колпак с камкою, всего на семь рублей»⁸⁹, «саадак со всем, а цена полтора рубля»⁹⁰.

Обширные данные даёт Обидный список Полоцкого рубежа 1571 г.⁹¹, находившийся в ведении не посольской службы, а пограничного воеводы. Эти документы дошли до нас в изначальном списке.

В начале списка говорится о нападении на отряд из ратных холопов 9 дворян, 36 стрельцов, 20 казаков, 88 посошных людей. Первая строка в документе испорчена. Далее записано: «а у него взяли конь гнед с седлом, а другой конь карь прост с седлом да с человека ж сняли пансырь да саадак, да саблю, да однорятку лазореву сукно аглинское, да кафтан суконной синь, да ис

под другово человека взяли мерин бур с седлом. И всево с ним взяли на восемьдесят рублей.

А с Ываном с Ознобишиным живота его взяли – конь карь с седлом и с уздою, да саадак, да саблю, да пансыр, да ферези суконные станбредные серы, да ферези зенденинны зелены, да кафтан камчат, да пять рублей денег; да дву человек его убили, а взяли из-под них конь бур и да конь игрень седлы и с уздами да на них платья однорятку лазореву настрафиль, да кофтан агленской черлен да ферези новое с кисти зелены, да кафтан жолт, да два саадака да две сабли. И всего с ним взяли на сорок на два рубля.

У детей боярских у дорогобужан у Нечая да у Василья у Засетцких да у Степана у Кобелева да у Якова Минкова четырех человек убили, а иных поимали, а у них взяли четыре кони с седлы, да пять меринов с седлы ж съ ючными, да на их людях платья по однорятке да по кафтану по суконному, да по саадаку, да по сабле, да на них же осмьнатцать рублей денег а всего у них взяли лошадей и платья и денег и саадаков и седел на шестьдесят на восемь рублей.

У Григорья у Бортенева да у Михаила у Ржевского трех человек взяли, да с ними три кони, да три мерины, да десять рублей денег. И всего с ними взяли лошадей и на людех служебной рухляди и седел людцких и ючных и саадаков и сабель на сорок на семь рублей с полтиною.

У Дениса у Володимерова сына Неелова убили человека, а другово ограбив покинули, а двух человек живых взяли, да с ними взяли – конь игрень да конь голуб, а мерин гнед неметцкой, да мерин рыж с седлы и с уздами и съ епанчами, да на людях три саадаки да три сабли, да две однорятки лазоревы настрафильны, да ормяк московской, да три кафтаны суконны черлены аглинские да пять рублей денег. И всего взяли на сорок рублей.

У Ивана у Ондреева сына Замытцкого взяли его людей – Максимка Севергина да Федьку Офоница да с ними конь гнед, да конь саврас, да мерин коур, да кобылу голубу, да седло сафьянное, а другое борановое да два седла ючные, да на них платья однорятку лазореву брюкишну, да однорятку зелену

аглинскую, да по кафтану по суконному по черленому, да по саадаку, да по сабле, да семь рублей денег. А всего с ними взяли лошадей и платья, и служебные рухляди на тридцать на пять рублей.

Да у копейские у казачьи головы у Омены у Клокачова человека убили, а другово ранили, а третево взяли, а под ними взяли – конь рыж да конь саврас, да мерин ворон да мерин голуб с седлы и с уздами, да с них сняли три саадаки да три кафтаны, да три однорятки, да десять рублей денег. А всего с Омениным человеком живота его, лошадей и платья, взяли на дватцать на шесть рублей с четвертью.

У сотника у казачья Ратаева прибору Голянищева у Ратмана у Дмитриева сына Языкова взяли мерин сер сь епанчою и с седлом, да мерин рыж со вьючным седлом. А всего у него взяли на пол сема рубля.

У Григорьева человека Сьянова, озеричские казачьи головы, взяли мерин рыж с седлом и с епанчою, да мерин гнел со вьючным седлом и с сумками. А всего взяли лошадей и с седлы на семь рублей».

В данном случае, хотя речь шла о военном отряде, это были не боевые действия, и не следует ожидать военной степени оснащённости. Следует также учитывать, что это не список оснащения, а только список потерянных вещей. Панцирь отмечен только у одного холопа и одного дворянина. Причём про этого дворянина, Ивана Ознобишина, не отмечено, чтобы его убили, ранили или лично ограбили (и вообще про личное ограбление дворян здесь больше ничего не сказано – видимо, они находились вне места нападения). Судить о «доспешности» по этому источнику нельзя.

Следует также обратить внимание на следующие моменты. В списке потерь дорогобужских детей боярских вначале говорится «саадаки и сабли», а при итоговом перечислении записано просто «саадаки» – яркий пример терминологического сокращения, что доказывает непременно сабли при саадаке – только у людей казачьего головы они не названы (по «богатству» они заметно уступали всем другим холопам в списке). Это может служить

подтверждением того, что саадак с саблей был типичным вооружением не только полковых, но и кошевых холопов.

Вьючные лошади были у каждого всадника, а в одном случае было даже 5 лошадей на четверых всадников. То, что не у всех были вьючные лошади (в 5 из 9 групп) говорит только о том, что разграблена была лишь часть этой группы дворянской конницы. О том, что у каждого всадника была вьючная лошадь, говорится в ещё одном месте документа: «Да отпустил воевода Федор Шереметев ис Полотцкого повету с Нещерды людей своих с коньми на Луки на Великие, и на них приходили литовские люди, да их громили да убили и взяли шти человек, да лошадей его взяли: аргумак в булане сер, да конь сив, конь гнед, два коня чюбарых, конь сер, конь гнед да шесть меринов ючных».

Об оснащении сына боярского можно судить по стрелецкому сотнику. «Взяли конь карь с седлом и с уздою, да из-под дву ево человек взяли конь рыж да мерин гнед с седлы и с уздами и съ епанчами, да с него сняли саадак да саблю да пансыр, да однорятку, да фerezи, да кафтан, да восемь рублей денег, да телегу з запасом, да убили человека его Федьку». Здесь важным является упоминание телеги. Понятно, что телегу вез верхом один из его людей. Так, телеги перемещали и посошные люди, которые взяли 8 «меринов с телегами и с седлы». В разрядных записях о Полоцком походе 1563 г. подробно описываются сложности передвижения «боярских и детей боярских коши», которые обслуживали «люди кошевые» – эти коши были у каждого полка⁹². Однако об обеспеченности гужевым транспортом дворянского войска данных нет. Ясно только, что повозок не могло быть больше, чем кошевых людей.

Имеются данные по ограбленным архиепископским детям боярским. У «Давыда у Чюлкова взяли – мерин саврас, семи лет на осьмую с седлом и с уздою, да саадак да саблю, да однорятку лазореву настрафильну, да кушак шолков, шолк червчат да зелен, да книгу «Правило святых отец» в полдесть, да сапоги сафьянны жолты, да двои сапоги борановые, да сумки, а в сумках две рубашки красных пошовные, да двои порты пошовные, да три ширинки красных, да шапка чорна лисья черевья, да колпак с камкою, да два полотна. И

всего у него взяли на тринадцать рублей с полтиною». У «Михаила у Кобылина взяли – ферези зенденинные вишневы на хрептех на заечьих, да саадак, да саблю, да епанчу белу, да сумки, а в сумках двои сапоги борановые, да две рубашки красных, да порты да шапка лисья под сукном под черленным, да кушак бумажной, да узда черкасская. И всего у него взяли на три рубли и на дватцать алтын». У «Степана у Микифорова взяли сумки, а в сумках две рубашки красных пошовные да двои порты да полотно, да колпак с камкою, да шапку чорну лисью, да сапоги сафьянные». «А у Михаила у Ступишина взяли – мерин бур шти лет с седлом и уздою да мерин бур людцкой, да сумки, а в сумках две рубашки пошовных шиты золотом и серебром, да колпак с камкою, да сапоги, кошульку». «А у Григорья у Федорова взяли – сумки, а в сумках две рубашки красных да двои порты, да ширинка красная, да полотенце да узда сыромятная, да сапоги борановые». С Петра Бегичева «сняли кушак шолков да два ножа, да перевязочку золотную, а у ней была ширинка золотная накишена, да однорятку серу, завяски на ней шолк бел, да кафтан зенденинен, а на нем пугвицы корольковые на серебряных спнех золочены, да рубашку с ожерельем, а у ожерелья пять пугвиц золоты з жемчюги, да пояс шолков с мошною, а в мошне четыре рубли денег». С Юрья Дичкова сняли «кушак бумажной, да ножи угорские». В последних двух сообщениях важно упоминание о повседневном ношении детьми боярскими в кушаке по паре ножей, в т. ч. «угорских» – в явочных челобитных много говорится о том, что русские мужчины повседневно носили в кушаке по паре ножей (обычно «угорские», встречались и «булатные нагайские», и «угорские на нагайское дело»).

В явочных челобитных можно встретить описания оснащения дворянских конных вооруженных слуг. В архиве Суздальского монастыря под 1588 г. есть описание: «А у меня, государыни, у Игнатка, взяли конь чял с седлом и с уздою да платия сняли однорятку белу еренок, да ферези дорогилные зелены, да кафтан теплой, сукно черлено аглинское на тряскех, да шапку лисью под сукном багрец, да саадак, да саблю... А на Ондрюшке было платия однорятка лазорева настрафил да ферези тафтяные червчяты, да кафтан теплой темносинь

аглинское, да шапку лисью под сукном томчервчятым, да кушак с ножи, да саадак, да саблю, да конь бур с седлом и с уздою»⁹³. Под 1588-1592 гг.: «У него взяли: ис под него конь чал с седлои и с уздою, да епанчю белу, да саадак, да саблю, да конь сер, которой я велел к себе привести, да с него сняли платья однарядку лазореву настрафилну, да кафтан голуб шелебединской»⁹⁴.

Их этих списков видно, что походная одежда холопов обычно состояла из кафтана и однарядки. Вместо однарядки иногда был армяк, а у дворян и лучших слуг – фerezь. В холодное время носили «кафтан теплой». В сумках носили запасное белье – по двое порт, две рубашки и пару сапог (обычно бараньих), шапку или колпак.

Об элементах вооружения и терминах в документах

По некоторым моментам даже в 1570-е гг. видно, что подьячие только в редких случаях фиксировали на смотрах вспомогательные элементы вооружения: топоры, наручи, наколенники, бутурлыки, сочетания металлического доспеха и тегилыя или одежду, поэтому сложно говорить о степени их распространения. Не до конца понятны значения некоторых терминов. Неточны сведения о степени распространения копий и рогатин в 1550-1560-е гг. В ряде случаев эти вопросы можно попытаться прояснить с помощью иных документов.

КОПЬЯ. В дипломатической жалобе 1550 г. говорится: «Да из Гомья ж приходили в Стародубский уезд в село в Микуличи гомейского наместника Оникиевы люди Горностаевы, Ржевской с товарищи, да село Микуличи розграбили; а взяли у Янка у Микулина, да Васюка у Феодорова, да у Гридки у Остапова, да у Иевки у Иванова с братьею коней татарских, и кобыл, и меринов, и животины рогатые, и саадаков, и сабель, и рогатин, и сёдел, и меду, и воску топленого, и платья всякого, и ряхляди, всего на 1200 рублей»⁹⁵. Из этого можно сделать вывод, что в арсеналах у детей боярских Северной земли рогатины имелись в большом количестве. Следует отметить, что это первое упоминание рогатин как оружия конницы Русского государства.

Фактически списком документа (разрядной повести) о Казанском взятии является известие Никоновской летописи. О штурме Казани 30 сентября 1552 г.: «ис пушек же и стенобитных и верхними ядры огненными и каменными безъпрестани стреляху и из пищалей стрельцы; воины же биющеся копыи и саблями, за руки имаяся»⁹⁶. Учитывая указания на стреляющих стрельцов, тут имеются в виду спешенные всадники. О штурме 2 октября: «головы же царские з детми боярьскими... за руки имаяся, копыи и саблями, в теснотах ножи режуще; во многих улицах с обоих сторон христианом и татаром ударившеся во многи копыа и на мног часть на копыах»⁹⁷. Тут прямо указано, что в рукопашном бою копьями и саблями сражаются спешенные дети боярские; также отмечено, что копыа с обеих сторон являлись главным оружием (и сама формулировка «копыа и сабли» показывает, что копыа считались более значимым оружием).

ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ОРУЖИЕ. Смотренные списки не позволяют определить процент топоров в вооружении всадников. Кистени в документах XVI в. не упоминаются (даже в документах по разбойным нападениям). В описи имущества Бориса Годунова впервые упоминаются 2 бруса, «клевец турский», шестопер, а также 2 «топора турских»⁹⁸.

ПОЛНЫЙ ДОСПЕХ. В Никоновской летописи сохранилась выписка из Уложения о службе 1556 г., которое предписывало землевладельцам выставлять «со ста четвертей добрые угожей земли человек на коне и в доспехе полном»⁹⁹. Уложение о службе 1604 г., изложенное Татищевым, предписывало выставлять «холопа от 200 четвертей с конем и полным доспехом (с оружием) и запасом»¹⁰⁰. Необходимо разобраться с понятием «полный доспех». В записях Боярской книги трижды употребляется термин «доспех полный»: «Иван Иванов сын Кобьтин Мокшеев... в полном доспесе, в юмьшане и в шеломе, и в наручах, и в наколенках», «Григорей Левонтьев сын Онсимов... на коне в полном доспехе», «Юрьи Васильев сын Крюков Глебова Сорокоумова... в полном доспехе и в шеломе». Если смотреть только на эти три записи, то по первой из них можно сделать очевидный вывод, что «полный доспех» включал

защиту корпуса, головы и конечностей. Во второй говорится просто про «полный доспех». При этом третья выглядит странной, т. к. из нее следует, что полный доспех не включал шлем, но это несоответствие объясняется тем, что нужно было обязательно фиксировать наличие или отсутствие шлема, почему подьячий и сделал такую запись. Но будем осторожны с выводами.

Для определения понятия «доспех» и «полный доспех» можно обратиться к посольским книгам по ногайским делам 1550-х гг., где перечислялись подарки, которые просили ногайцы. Там встречаем: «доспех полной и с шоломом прислал и с саблею»¹⁰¹; «доспех полной и с шоломом з булатным и с тегилею»¹⁰², «пансырь доброй да тигилеи и полной доспех, и шелом»¹⁰³; «пришли, что мне самому вздевати пансырь доброй да тегилеи, да шелом, и весь полной доспех, да мне самому ездити три седла пошлых добрых, да саблю, которая б секла железо»¹⁰⁴; «пансырь, тегилеи, шолом со всем полным доспехом да два седла»¹⁰⁵, «пансырь самому вздевать со всем полным доспехом, и шелом, и саблю, и тегилеи, и седло, и шатер»¹⁰⁶. В тех же документах термин «доспех» часто употреблялся в значении «вооружение вообще»¹⁰⁷: «а что еси писал к нам о запасе и доспехе и о шубе, и мы к тебе послали запасу пятьдесят четвертеи круп... да с ними ж послал еси к тебе пансырь да шелом, да саблю, да шубу лисью зимовную»¹⁰⁸. Употреблялся этот термин и в значении «защитное вооружение»: «Доспех прислал, пансырь доброй да шелом доброй»¹⁰⁹. Встречаем ещё более узкое значение «корпусной доспех»: «о доспехе о добром бью челом, о пансыре», «прислал два доспеха добрых», «саблю добру да доспех доброй, да шелом, золотом наведен, да седло, золотом писано», «доспех да шелом, да шубу горностаину, да шубу кунью, да шапку черну, да седло, на котором сам ездись, да узду з золотом, да тегилеи»¹¹⁰.

Можно сделать вывод, что под термином «полный доспех» подразумевалось понятие «комплекс вооружения воина» (паноплия), которое в идеале включало и корпусной доспех, и шлем, и защиту конечностей, и тегилеи, и саадак с саблей, и копье, и топорок. И, соответственно, если в

Уложениях писали «полный доспех», то это не означало, что каждый воин должен был иметь всё вплоть до наручей. Должна была быть и минимальная комплектация «полного доспеха» (например, шолом, панцирь и саадак с саблей), поэтому ногайцы и уточняли, что в должно присутствовать «полном доспехе».

ТИПЫ ДОСПЕХОВ. Чаще всего встречающийся тип доспеха в документах – панцирь. Попытки различать панцири и кольчуги по определениям источников XVI в., данных в описи Оружейной палаты в конце XVII в., могут привести к ошибочным заключениям («кольчуги» по определению конца XVII в. археологически встречаются очень часто среди кольчатых доспехов XVI-XVII вв.). Также неочевидно значение терминов «байдана» и «полубодон». Фактически только из описи имущества Бориса Годунова можно узнать, что панцири – это кольчатый доспех (ведь только у кольчуги это понятно из названия). Только из контекстуального противопоставления панцирей другим типам доспехов (кольчугам и бехтерцам) в смотренных списках и духовных грамотах можно считать, что такое определение утвердилось ещё в начале XVI в.

В посольских книгах XV-XVI вв. термин «пансырь» встречается очень часто (в перечислении подарков, товаров и в обидных списках), и больше никаких терминов для обозначения корпусных доспехов там нет (также как упоминается только «шолом», а не «шапка железная» и пр.). Можно полагать, что термином «пансырь» изначально обозначался корпусной доспех (т.е. «доспех» в самом узком смысле), и в делопроизводстве посольской службы этот термин закрепился.

Особенно показательно упоминание на рубеже XV-XVI вв. «немецкого краковского пансыря», принадлежащего поселившемуся в России брату крымского хана Менгли Гирея Айдару¹¹¹. Дана характеристика этого панциря: «лёгок, крепок, чтобы его стрела не яла» (те же требования даны в 1508 г.: «пансырь, которой бы был лёгок, а стрела бы его не иняла... он бы его попытал стрелити, да которого стрела не имеет, и ты бы тот ко мне прислал»¹¹²).

Стрелостойкие свойства панциря (защита от прямого выстрела, раз речь идет о «стендовых испытаниях») заставляет сомневаться, что это была просто кольчуга, а не вариант пластинчатого или иного доспеха. Ногайцы в 1555 г. также просили «чтоб стрела не няла, прислал бы еси пансырь доброй»¹¹³.

Самое раннее упоминание юшмана – в духовной Григория Васильевича Жукова Оплечуева (1540-41 гг.)¹¹⁴. В духовных грамотах середины XVI в. юшман упоминается так же часто, как бехтерец, что не совпадает с данными по смотрам 1556 г. Это объясняется тем, что в духовных описывается, как правило, вооружение знати, а юшман бытовал как раз у них. Примечательно, что мастера-доспешники в Бронном приказе в 1572 г. делились на шеломников, юшманников и пансырников¹¹⁵.

Хотя в разряде вооружения Симеона Бекбулатовича стоит ряд зеркало-бахтерец-юшман, но из смотренных списков видно, что юшман носили исключительно представители богатой знати, а бехтерец мог носить и бедный помещик. В описи имущества Годунова среди дошатога доспеха названы 17 зеркал, 14 юшманов, 16 бехтерцов, 5 лат немецких и литовских¹¹⁶. Показателен статусный ряд, а также диспропорция между реально бытовавшими доспехами. В описи имущества Татищева среди «служилой люцкой рухляди» названы «латишка ржавы»¹¹⁷. Больше нет упоминаний, что в досмотровый период помещики и их люди использовали кирасы (скудность документов не позволяет сделать окончательные выводы).

ТЕГИЛЯИ. В Боярской книге есть запись: «Сам Леваш на коне, в пансыре, на пансыре тегиляй толстой камчат». Это важное свидетельство того, что тегиляй толстый мог носиться поверх панциря. Ещё трижды у помещиков упоминается одновременно доспех и тегиляй (два раза – бархатный). В Каширской десятне у двух помещиков отмечен одновременно тегиляй и доспех. В Коломенской десятне один помещик значится в панцире и тегиляе (в отличие от остальных тегиляев в десятне, он не назван толстым).

Также в Боярской книге имеются записи о практике носить поверх доспеха одежду. «Иван Большой Васильев сын Мясоедов... о дву конь в доспесе

и в шапке, да сверх доспеха фезези бархатны». «Никифор Федоров сын Вышеславцов... на аргамаче в доспесе в юмшане и в шеломе, а на верх доспеха приволока бархатна» (приволока бархатная по разу называется у человека в свите и один раз говорится: «3 человеки в приволоках без шеломов»). В Каширской десятне у одного холопа значится «приволока камчатая». В Коломенской десятне у 3 помещиков при юшмане и панцирях отмечена «приволока бархатная». Однако в целом по документам неясно, насколько в середине XVI в. была распространена практика ношения тегилей и одежды поверх доспехов.

Ногайские посольские книги показывают, что в 1555-1576 гг. ногайцы в большинстве случаев просили прислать вместе с панцирем тегилей¹¹⁸. В документах 1489-1517 гг. часто упоминаются «пансири» и «шоломы», которые просили представители крымской верхушки¹¹⁹, и там тегилей не упоминаются. В 1534 г. ногайский князь Шийдяк просил «отца своего пансырь, дай соболью шубу, да золотом седло и узду, дай терлик стеган»¹²⁰, в 1551-54 гг. ногайцы при панцире тегилей не просили¹²¹. Однако о том, что у татар ещё в конце XV в. существовала традиция носить с панцирем тегилей, говорят данные о трофейном вооружении ордынского царевича Мамишека в 1493 г.: «пансырь, шолом, да тегилей, да сабля»¹²². Очевидно, что к середине 1550-х гг. удалось наладить массовое производство качественных защитных тегилей.

Только в 1550-1560-е гг. в духовных грамотах тегилей упоминаются среди доспехов или в комплекте со шлемом, единственный раз называется тегилей толстый (со шлемом и панцирем). Упомянутые тегилей в духовной Есипова названы среди пушнины и одежды. В духовной Григория Михайловича Валуева (1543-44 гг.) среди завещанной одежды значится «тегелей отласен»¹²³. В описи имущества Бориса Годунова среди «людской одежды» названы два тегилей бархатных¹²⁴. В духовной князя Ивана Михайловича Глинского 1586 г. говорится: «и доспеху моего моево и людцково доспеху и тегилей моих и люцких», но «тегилей мой з горностаи золотой» и «тегилей мой бархо червчат толстой» называются среди одежды¹²⁵, а в

описании вооружения тегиляи не упомянуты. В описи имущества Михаила Татищева среди «мягкой рухляди» назван «горнастай отпорот от тегиляя»¹²⁶.

Десятни 1577-1579 гг. показывают, что тегиляи стали гораздо реже использоваться. Их нет уже в Обидном списке 1571 г. и потом в явочных челобитных. Последнее упоминание о тегиляях есть в разрядных книгах под 1598 г., когда говорится о встрече крымского посольства: «Бояром и приказным людем быти в золотом платье. Дворяном болшим и столником, и стряпчим, и дворяном лутчим из городов, и жилцом, и дворовым людем быть на государеве дворе в залотом платье и в чюгах золотных, и в шапках черных. А у которых дворян из городов и у жилцов залотнова платья нет, и тем быть перед государевым двором в тегиляях и в чюгах в золотных и в цветных. А детем боярским из городов и дворовым людем, у которых есть тигиляи и чюги, и тем стоять под теми в тегиляях. А боярским и дворянским людем стоять в золотном платье и в чюгах, и в тегилиих в золотных под теми. А за теми стоять детем боярским из городов и дворовым людей в цветном платье»¹²⁷. Здесь тегиляи упоминаются не как боевое снаряжение, а в качестве парадной одежды. Упоминание тегиляя с чюгами (одежда с короткими рукавами и укороченным подолом) может дать некоторое представление о его покрое.

Сам термин сохранился, ещё в конце XVII в. его использовали для обозначения вида монгольской одежды¹²⁸.

Но неясно, использовался ли тегиляй чаще как поддоспешник, или был верхней одеждой. О том, чтобы поддоспешники, используемые русскими воинами, назывались «тегиляями», вообще нет данных – сам термин (в отношении русского снаряжения) исчезает к XVII в., хотя доспехи носить продолжали.

Можно сделать вывод, что только в 1550-1570-е гг. ношение «тегиляя толстого» в качестве самостоятельной боевой защиты (по норме – вместе со шлемом) было распространенным явлением. Примерно в это же время носили тегиляи вместе с металлическим доспехом, что встречалось и ранее, но, видимо, имело не такое широкое распространение. Позднее тегиляй

продолжали ещё некоторое время использовать, но уже только в качестве одежды.

КОМПЛЕКТ ДОСПЕХОВ. Анализ духовных и смотренных списков позволяет утверждать, что в боевом комплекте при корпусном доспехе как минимум был шлем. На основании духовных грамот также можно сделать вывод, что бехтерец обычно дополнялся панцирем, если это не был «шамахеиской бехтерец», который уже мог включать защиту, рукава и подол. С элементами для защиты конечностей дело обстоит сложнее.

В жалобе 1490 г. московского князя литовскому князю говорится, что у тверского купца в Киеве пограбили «зерцала, да батарлыки, да наручи, да наколеники, да два сагадака с луки и стрелами»¹²⁹. Судя по списку, эти товары были закуплены в Крыму. Это первое упоминание в документах этих защитных элементов. То, что к началу XVI в. эти элементы вооружения получили достаточно широкое распространение и были частью амуниции русского войска, говорит опись арсенала литовского Несвижского замка 1510 г., где отмечено «наручей московских 11, а наколенков и батарлыков московских 3, а зерцала московския одны»¹³⁰.

По духовным в 1510-1520-е гг. практически всегда при бехтерце были наручи и наколенники, а нередко и бутурлыки, а при кольчатом доспехе почти непременно присутствовали наручи. Во 2-й половине XVI в. при бехтерцах также называются наручи и наколенники, но комплект доспехов обычно ограничивается панцирем и шлемом. Однако примечательно, что в обоих случаях, когда назывались наручи при панцире, они были вместе с наколенниками и даже бутурлыками. Можно предположить, что в части случаев наручи могли просто подразумеваться при панцире.

Защита конечностей редко фиксируется в смотренных списках, и по ним нельзя понять, насколько они были распространены. Показательна запись в Боярской книге: «Нелюб Тимофеев сын Зачесломского... людей его 10 (ч), в них 6 (ч) в доспесех, 2 в куюках, 2 в бехтерцах з бармицами и в шапках в железных, 4 о двуконь, а 2 об один, 4 (ч) в тегилях в толстых на конех, на

одном шапка железна, а на 3-х медяны, все с копыи, а тегиляйники все с наручми». Наручи явно записаны по причине того, что тегиляйники редко их носили, но и доспешные в этой группе тоже должны были их иметь, хотя здесь их не записали. Один раз наручи названы у холопа в бахтерце без шелома – также явно по причине особенности такого случая. «Матфей Дмитриев сын Игнатьева... на коне в бехтерце с бармицею и в шеломе, с наручми; людей его 4 (ч) в тегиляех в толстых, 2 в шапках в железных, третей в шеломе и в наручах». Редкий случай, когда подьячий был склонен к подробностям и упомянул не только наручи у тегиляйного и наручи у помещика, но и бармицу при бехтерце. Четыре раза у помещика в панцире названы наручи, в т. ч. один раз с наколенниками. Один раз названы наручи у всей свиты из 4 всадников в «доспехах».

В Каширской десятне у помещиков наручи упоминаются 3 раза: 2 раза с панцирем, 1 раз с доспехом. В Коломенской десятне у первого в списке помещика названы зеркало, панцирь, наручи и бутурлыки. Это единственный случай в смотренных списках, когда назвали и нижний, и верхний металлический доспех. Больше наручи в смотренных списках XVI в. не встречаются.

В арсенале Бориса Годунова на десятки доспехов и шлемов только четверо наручей¹³¹. Тем не менее, необходимо учитывать, что основная масса наручей могла идти в комплекте с доспехами, т.е. просто не упоминаться.

В посольских книгах по ногайским делам защита конечностей обычно не упоминается. Но в 1564 г. ногайский князь Исмаил просил у царя: «да прислал бы если, что в рати самому мне вздевать пансырь доброй с наручи и с наколенки и с рукавицами, и с тегиляем, и с шеломом, и саблею»¹³². Есть одно упоминание наручей, но не при панцире: «послали есмя к тебе шелом да наручи, да шубу зимовную, да бумаги, да набад, да трубу, да сурну»¹³³. То, что во всех прочих многочисленных случаях при просьбе о панцире не указывали даже наручи, можно объяснить тем, что эти элементы считались относительно

типичной принадлежностью «доспеха полного», по крайней мере, для богатого воина.

Таким образом, вывод о степени распространения защиты конечностей сделать сложно. Однако можно предполагать, что при бехтерце, а тем более при статусном юшмане или зеркале, нормой были наручи и наколенники, а нередко и бутурлыки. При кольчатом доспехе наручи были, по меньшей мере, нередки. Объективно отсутствие щитов должно было быть компенсировано использованием наручей.

ЩИТЫ. Щиты ни разу не упомянуты в рассмотренных списках. Не посылали их и в качестве подарков ногайцам и татарам. В духовных грамотах их нет среди описаний комплектов вооружения. В богатом арсенале Плещеева назван только «щит турской железен». Два стальных щита были в арсенале Глинского. Также в духовной Елисея Васильевича Бибикова (начало 1580-х гг.) говорится: «да у мена ж Яков взял щит турской»¹³⁴. Среди имущества Годунова называется «щит железный», «щит железный турский», «щит бухарский»¹³⁵. Нет щитов даже в царском походном вооружении. Среди оружейников Бронного приказа в 1572 г. мастера-щитники не значатся. Одно из ранних свидетельств того, что щиты присылались в качестве подарков есть в дипломатической переписке осени 1508 г. с Крымом в грамоте от Синан-аги, который посылал государю подарки: «один гнед аргамак, да один булатен щит, да одне белы тебенки, да одну узду, да один червчат ковер»¹³⁶. Из всего этого можно сделать вывод, что в XVI в. бытовали только «интерьерные» импортные щиты, а для боевой службы их не использовали.

В жалобе 1490 г. московского князя литовскому князю на ограбление тверских купцов под Вильно перечисляются отнятые вещи: у одного купца «сагадак со стрелами, да два лука», у другого – «четыре щиты»¹³⁷. Там упоминаются деньги, обычный русский товар (пушнина, воск, епанчи, овчины), восточный товар на перепродажу (шёлк, тафта), личная одежда. Саадаки, верней всего, были личными вещами. У купца, у которого были щиты, были меха, овчины, епанчи, «два бубна сокольи», шёлк. Однако сложно сказать,

были ли щиты и бубны продукцией русских ремесленников или реэкспортным товаром (как и шелк). В любом случае это был «случайны товар», который в других списках не встречался.

СЁДЛА. В духовных грамотах, явочных челобитных и обидных списках часто упоминаются седла, иногда указывается их тип («национальный», по виду отделки). Упоминаются седла крымские, ногайские, ордынские, турецкие, узды черкасские. Следует отметить, что турецкие седла отличались от степных по конструкции. Они обычно упоминались при аргамаках¹³⁸. В описи имущества Годунова названы седла «старый крым» и «бухарские», узды «турская», «литовская», «литовское дело», «полотцкого дела, делана по черкаски», «крымская»¹³⁹. В духовной Русинова упомянуто седло «ляцкое», но какого типа это седло было – можно только гадать. В духовной Русинова названо «седло прямые луки», в обидном списке 1489 г. о сбежавших в Литве слугах – «седло берестяник плоские луки». В духовной грамоте князя Александра Васильевича Волконского (около 1601 г.) «человеку» было завещано «седло широкая лука»¹⁴⁰. Из чего заключим, что конское снаряжение делилось по типам.

Пешая служба с пищальми

В разрядной книге в описании осады Казани в феврале 1550 г. говорится: «а х приступу имал государь у бояр и воевод и у детей боярских пеших людей в доспесех (вариант – боярских людей с пищали в доспех)»¹⁴¹. В Никоновской летописи в описаниях осады Казани 1552 г. и Полоцка 1563 г. говорится об отрядах (сотнях) из боярских людей, которые возглавлялись головами из детей боярских, и действовали в передовых группах вместе со стрельцами и казаками¹⁴². В Записной книге Полоцкого похода сказано, что 4 февраля с боярскими людьми было 15 сотенных голов (названы поимённо)¹⁴³. О штурмовых отрядах боярских людей упоминают и разрядные записи о Ливонском походе 1577 г. При осаде Володимерца «хотели в субботу против воскресения приступати с стрельцы и з боярскими людьми»¹⁴⁴. В штурме

Нарвы 18 февраля 1590 г. участвовало вместе с казаками и стрельцами «боярских людей з головами 2380 человек»¹⁴⁵. То есть виден рост численности этой категории ратников.

После 1550 г. данных о вооружении штурмовых сотен не имеется, но спешенная конница для штурма применялась давно, в т. ч. и в Казанском взятии, и эти отряды должны были отличаться от обычной спешенной конницы, то есть, скорее всего, они оснащались пищалями. В марте 1552 г. в Казани стали гарнизоном 180 детей боярских, казаков и людей боярских; при этом у боярских людей и части из 70 казаков было 72 пищали¹⁴⁶. Из описания осады Казани видно, что казаки в то время вооружались в основном луками¹⁴⁷.

Следует обратить внимание на одну запись в Боярской книге: «Останя Правоторхов сын Истлетенева... людей его, сказал в Муроме князю Ондрею Курбскому, с ним будет на году в Свяжском 5 (ч) на конех в доспесех да на городе 10 (ч) с пищалми». На Нижегородском смотре о пеших людях один раз также упоминалось отдельно «в Свяжском городе». Возникает соответствующее предположение: «на городе с пищалью» – это также вид службы, как и на «коне в доспехах». При этом на Нижегородском смотре из 19 пеших людей с саадаками ещё только у одного была пищаль. В духовных пищали встречаются один раз. В Каширской десятне упомянут один человек с пищалью. Напрашивается вывод, что для службы «на городе» или в «сотнях» людям боярским пищали выдавались из казны.

Для таких сложных боевых задач, как действие в первой линии осадных мероприятий, включая штурмы, не имело смысла держать отдельную воинскую страту, которая задействовалась раз в несколько лет. Это должны были быть обычные ратные холопы, которых при определенных обстоятельствах переводили в «пешие люди» и выдавали пищали.

В разрядном наказе воеводе Воротынскому об организации обороны Берега в 1572 г. говорится о «людях боярских». О проведении смотра: «Да поимати по полком памяти: сколько с кем будет людей полковых в доспесех и в тегиялах, и без тегиялев и сколько кошевых. Да розписати, выбрав, головы

добрые и розписати детей боярских и их людей по головам по всем полком, чтоб всех людей розписати заранее. А имати с бояр и со князей и з детей боярских людей с пищальми с пятьсот чети человека с пищалью, с тысячи чети дву человек с пищальми. Да, поймав, тех людей с пищальми розписать по головам особно, опроче детей боярских»¹⁴⁸. Там же в разделе об обеспечении деньгами и продовольствием ратных людей говорится: «А которых людей с пищальми наймут и которых людей боярских возьмут дальних с пищальми, и на те пищали зелье давать; из казны на то взять зелья и свинцу на запас да всего переписать на список порознь по статьям по делом»¹⁴⁹. Примечательно, что здесь «люди боярские» отделялись от «наемных людей» (польских казаков и пр.). Это как раз свидетельствует, что «боярские люди с пищальми» в данном случае комплектовались не по принципу посошных людей, «вятчан» и ранее существовавших «пищальников с городов» (набор «наймитов»). А то, что запись о наборе пищальника с 500 четей сделана сразу после записи о смотре, прямо говорит о том, что это был не предварительный набор, а именно организационные мероприятия во время смотра. Если с обеспечением боеприпасами картина ясна, то о системе обеспечения пищальми в это время можно только сделать предположение, что часть боярских людей не только просто взяли в пищальники, но и ввели норму по количеству четвертей, то помещики были обязаны по этой норме купить пищали (скорее всего, из казны).

В «оперативно-тактической» части Наказа о «боярских людях» ничего не говорится. Там отдельно расписывались задачи флотилии (вятчане и польские казаки), а отдельно – возможные действия воевод с «полками». Расписаны различные ситуации, в каждой указывалось, что воеводы в «крепких местах должны были ставить: «пеших людей с пищальми», «стрельцов», «стрельцов и казаков с пищальми», «наряд и стрельцов», «наряд и стрельцов пеших людей». А в случае действия против татарских загонов: «воеводам под люди голов с людми посылати и стрельцов и казаков с пищальми и резвых людей неметцких посылати». Здесь видны терминологические сокращения, и можно говорить,

что в каждом случае здесь подразумевались все категории пищальников, не входивших в речную флотилию (стрельцы, служилые казаки, боярские люди с пищалями, а также немцы).

В разрядной Повести о Молодинской битве в описании обороны гуляй-города называются только стрельцы. Здесь явно подразумевались и казаки с пищалями (как и пешие боярские люди). Также в Повести об арьергардных боях говорится: «А в передовом плъку пошел воевода князь Димитрий Иоаннович Хворостинин да пришел на крымской на сторожевой полк да с ними учял дело делати с немъцы и со стрельцы и со многыми дворяны и з детми боярьскими и з боярьскими людьми да мчял крымьской полк сторожевой до царева плъку»¹⁵⁰. Дело в том, что при описании боев в разрядных повестях всегда говорили «дети боярские» («дворяне и дети боярские»), а о «людях боярских» говорилось только, когда речь шла об их отдельных формированиях. Другими словами, можно предполагать, что «люди боярские с пищалями» использовались вместе со стрельцами в качестве мобильной (на конях) огневой поддержки конницы.

В 1591 г. при формировании рати для обороны Москвы от войска крымского хана упоминаются «головы з даточными з боярьскими людьми» в большом, передовом и правом полках¹⁵¹. Они также предназначались для обороны гуляй-города.

Судя по боевому применению «сотен людей боярских» можно заключить, что они, как правило, были задействованы в крупномасштабных кампаниях для усиления стрельцов и казаков практически во всех случаях: при штурме, осадных работах, обороне обозов, гарнизонной службе, мобильной огневой поддержке конницы.

В плавной рати на Оке в 1598 г. предписывалось быть «ратным людем из городов и патриаршим, и митрополичим, и владычним, и боярьским, и дворянским, и монастырьским даточным пешим людем с пищальми з головами по росписи»¹⁵². В 1601 г. для обороны степной границы государь «велел сказати бояром и околничим, и приказным людем, и столником, и стряпчим, и жилцом,

и дворяном, и детем боярским, и всяким служивым людем, чтоб были все с ним, государем, и с сыном его з государевым царевичем со князем Федором Борисовичем всеа Русии на его государеву службу против недруга его крымскова царя Казы-Гирея готовы и были б все людны и конны, и нарядны, и цветны; и даточные б люди у всех были з земель и с поместей и с вотчин сполна, со ста четвертей по человеку по конному да по человеку по пешему с пищальми; а будет им всем и их людем конской смотр»¹⁵³. В августе 1609 г. смоленские власти указали «Смоленского уезда со станов и с волостей, и с дворянских и детей боярских поместий и с вотчин, и с церковных земель, собрати даточных людей, для осадного времени с сохи по 6 человек с пищальми и с топоры»¹⁵⁴. Видно, что к концу XVI в. люди с пищалями стали массовым явлением, по способу набора сблизилась с посошными людьми, а не выделялись на фронте. И для действий в первом эшелоне штурмовых колонн они уже не предназначались.

Выводы

Картину боевого вооружения поместной конницы 1550-х гг. можно представить следующим образом. Поголовно все воины имели саадак и саблю, не менее двух ножей. Часть из них имела по боевому топору. Разные типы копий были в массовом употреблении, а у воинов в металлических доспехах они были чуть ли не поголовно. Доспех обязательно дополнялся железным шлемом (медные и «бумажные» шлемы использовались фактически только на смотрах в 1550-х гг.). Корпусной доспех чаще всего был представлен кольчатым панцирем. Значительная часть воинов имела кольчато-пластинчатый доспех. Обычно он был представлен бехтерцом, который мог носиться самостоятельно (если были кольчатые дополнения) или надеваться поверх панциря. У знати вместо бехтерца встречался юшман, иногда – зеркало, которое носилось вместе с панцирем. Корпусной доспех нередко дополнялся наручами, а также (реже) бутурлыками и наколенниками, причем они использовались в подавляющем большинстве случаев при кольчато-

пластинчатом доспехе. Такая комплектация, судя по всему, сохранялась с конца XV до середины XVI вв.

До трети всех всадников были кошевыми людьми. Они вооружались обычно саадаком с саблей, защитного вооружения не имели. Основной их задачей была перевозка телег/саней и смотр за вьючными лошадьми. На каждого всадника полагалось по вьючной лошади.

Особую ценность представляли доспехи. Именно их наличие означало готовность к службе. Доспехи холопов обычно были собственностью помещика (в отличие от остального вооружения, кроме копий). Для того чтобы в походе воины по максимуму были оснащены, доспехи (иногда сабли и луки) часто брали займы. В боевом отношении «полковые люди» без доспеха сближались с «кошевыми людьми» – в бою старались использовать всадников в доспехах, только им полагались денежные выплаты.

Термином «тегиляй» обозначали вид боевой одежды (тегиляй тонкий) и вид неметаллического доспеха (тегиляй толстый). В течение 1-й половины 1550-х гг. в широкое обращение был введен тегиляй толстый. Появились всадники, которые в качестве защиты использовали тегиляй и (обычно) шлем (в единичных случаях – наручи). Это было сделано с целью увеличить число воинов, которых можно было использовать непосредственно в бою. Также тегиляй толстый мог носиться поверх панциря. О том, что термином «тегиляй» называли поддоспешник, данных нет.

С 1550 г. из части боевых холопов могли для определенных задач (осадные действия, гарнизонная служба, оборона гуляй-города) образовывать временные отряды «пеших людей», которых от казны снабжали пищалями.

В 1570-х гг. произошли существенные изменения. Количество тегиляйных всадников резко сократилось, и в целом тегиляи стали редко использоваться, после этого тегиляи (и толстые, и тонкие) полностью исчезли. Кольчато-пластинчатые доспехи стали применяться только в единичных случаях. Возможно, из употребления стала выходить защита конечностей. Вышли из массового употребления и копыя – сохранились только длинные

копья у состоятельных помещиков, которые должны были составлять первую линию боевого порядка. Данные о сотне «дальней полковой службы» Рязска демонстрируют нам картину вооружения полевых формирований новых южных уездов: копий и рогатин не употребляли, доспехи имела только малая часть воинов. В таком виде дворянская конница вступила в войны Смутного времени.

Новик в бехтерце, сер. XVI в.

Рис. Красникова А. 2015г.

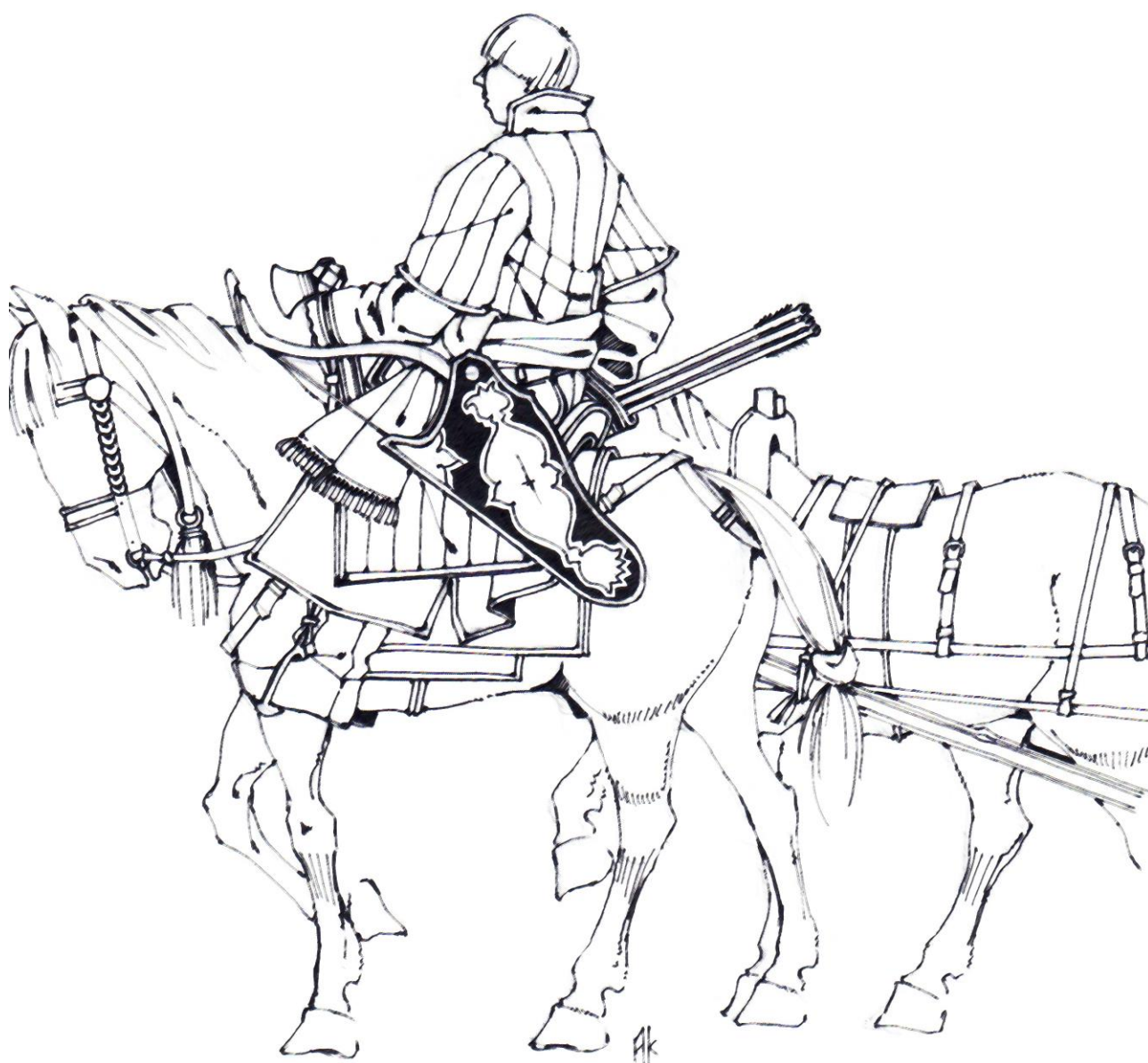
Дворовый сын боярский в зеркале, на коне простом, 1570-е гг.

Рис. Красникова А. 2015г.

Человек с пищалью осадной "сотни людей боярских", 1550-1570-е гг.

Рис. Красникова А. 2015г.

Кошевой человек с саадаком без сабли и топорком, в "тегиляе нетолстом".

Полоцкий поход 1562-1563 гг.

Рис. Красникова А. 2015г.

-
- ¹ Ключевский В.О. Сказания иностранцев о Московском государстве. — М., 1866. — С. 75-106.
- ² Висковатов А.В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск. — СПб, 1841. — Т. I.
- ³ Вельтман А.Ф. Московская Оружейная палата. — М., 1844.
- Вельтман А.Ф. Древности российского государства. Отделение III. Броня, оружие, кареты и конская сбруя. — М., 1853.
- Вельтман А.Ф. Московская Оружейная палата. — М., 1860.
- ⁴ Середонин С.М. Известие иностранцев о вооруженных силах Московского государства в конце XVI в. — СПб., 1891.
- ⁵ Чернов А.В. Вооруженные силы Русского Государства в XV-XVII вв. — М., 1954. — С. 80.
- ⁶ Богоявленский С.К. Вооружение русских войск в XVI-XVII вв. // Исторические записки. — М., 1938. — Т. 4. — С. 269.
- ⁷ Денисова М.М. Поместная конница и ее вооружение в XVI-XVII вв. // Военно-исторический сборник. — М., 1948. — Вып. XX. — С. 29-46.
- ⁸ Фатеев Д.М. Вооружение и снаряжение русской кавалерии в 1556-79 гг. // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Материалы науч. конф. — Великий Новгород. 2002. — Ч. 1. — С. 147-154.
- Фатеев Д.М. Приокские служилые города в 1550-х и 70-х гг. (готовность к дальней полковой конной службе) // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Материалы науч. конф. — Великий Новгород. 2002. — Ч. 1. — С. 124-129.
- ⁹ Наиболее ранней можно назвать статью: [Летин С.А. XVII век. Стрелец](#) // Империя истории. — СПб., 2002. — № 2. — С. 12-18.
- ¹⁰ Пенской В.В. Московские служилые люди в духовных грамотах конца XV-XVI в. // Вопросы истории. — М., 2011. — № 9. — С. 98-109.
- ¹¹ Курбатов О.А. «Копейный бой» русской поместной конницы в эпоху Ливонской войны и Смутного времени [Электронный ресурс] // История

военного дела: исследования и источники. — 2013. — Специальный выпуск. I. Русская армия в эпоху царя Ивана IV Грозного: материалы научной дискуссии к 455-летию начала Ливонской войны. — Ч. I. Статьи. Вып. II. — С. 227-235 <http://www.milhist.info/2013/04/23/kyrbatov_2> (23.04.2013).

¹² Курбатов О.А. «Конность, людность и оружность» русской конницы в эпоху Ливонской войны 1558-1583 гг. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2013. — Специальный выпуск. I. Русская армия в эпоху царя Ивана IV Грозного: материалы научной дискуссии к 455-летию начала Ливонской войны. — Ч. I. Статьи. Вып. II. — С. 236-295 <http://www.milhist.info/2013/08/14/kyrbatov_3> (14.08.2013).

¹³ Разрядная книга 1475-1598 гг. (далее - РК 1475-1598). — М., 1966. — С. 150, 157, 163, 182.

Разрядная книга 1550-1636 гг. (далее – РК 1550-1636) — М., 1975. — Т. I. — С. 44, 55, 65, 86.

Разрядная книга 1475-1605 (далее - РК 1475-1605) — М., 1982. — Т. I. — Ч. III. — С. 494, 512.

РК 1475-1605. — М., 1982. — Т. II. — Ч. I. — С. 8-9, 54.

¹⁴ Записная книга Полоцкого похода 1562/63 года (далее – ЗКПП) / Публ. К.В. Баранова // Русский дипломатарий. — М., 2004. — Вып. 10. — С. 129-130.

¹⁵ РК 1475-1605. — М., 1982. — Т. II. — Ч. II. — С. 223-224.

РК 1550-1636. — М., 1975. — Т. I. — С. 162-163.

¹⁶ РК 1475-1605. — М., 1994. — Т. IV. — Ч. I. — С. 32-33.

¹⁷ РК 1475-1605. — М., 1982. — Т. II. — Ч. II. — С. 440.

¹⁸ Дворцовые разряды. — СПб., 1852. — Т. III. — С. 414-415, 462-463.

¹⁹ Приложения // Древности Российского Государства. Дополнение к III отделению. — М., 1865. — С. 114-115.

²⁰ Пояснительный словарь предметов древней царской казны и Оружейной палаты // Вельтман А.Ф. Московская Оружейная палата. — М., 1844. — С. 19.

Вельтман А.Ф. Московская Оружейная палата. — М., 1860. — С. 222.

-
- ²¹ Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). — СПб., 1903. — Т. XIX. — С. 116, 150.
- ²² Кирпичников А.Н. Военное дело на Руси в XIII-XIV вв. — Л., 1976. — С. 40.
- ²³ Памятники Куликовского цикла. — СПб., 1998. — С. 89.
- ²⁴ Десятни XVI в. № 1. Коломна (1577 г.) // Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. — М., 1891. — Кн. 8. — Отдел III. — С. 1-41.
- ²⁵ Десятни XVI в. № 1. Рязск (1579 г.) // Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. — М., 1891. — Кн. 8. — Отдел III. — С. 219-251.
- ²⁶ Кротов М.Г. Десятни XVI - начала XVII вв. как исторический источник. [Электронный ресурс] Дипломная работа. — М., 1982. <http://krotov.info/yakov/5_russia_moi/17_ru_moi/desyatni/dipl1.html>
- ²⁷ Российский государственный архив древних актов. Ф. 210 (Дела десятиен), № 2, л. 9, оборот.
- ²⁸ Антонов А.В. «Боярская книга» 1556/57 г. // Русский дипломатарий. — М., 2004. — Вып. 10. — С. 80-118.
- ²⁹ Опись и продажа с публичного торга оставшегося имения по убиении народом обвиненного в измене Михайлы Татищева в 116 году (далее - Опись имения Татищева) // Временник императорского Общества Истории и Древностей Российских. — 1850. — Кн. 8. — С. 14.
- ³⁰ Русский Дипломатарий — М., 1999. — Вып. 5. — С. 171.
- ³¹ Каширская десятина 1556 г. // Шапошников Н.В. «Heraldica». Исторический сборник. — СПб., 1900. — Т. 1. — Отдел 4. — С. 28-44.
- ³² Дополнения к Актам историческим (далее — ДАИ). — СПб., 1846. — Т. I. — С. 85-86.
- ³³ ДАИ. — СПб., 1846. — Т. I. — С. 87-88.
- ³⁴ ДАИ. — СПб., 1846. — Т. II. — С. 112.

-
- ³⁵ Курбатов О.А. «Конность, людность и оружность» русской конницы в эпоху Ливонской войны 1558-1583 гг. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2013. — Специальный выпуск. I. Русская армия в эпоху царя Ивана IV Грозного: материалы научной дискуссии к 455-летию начала Ливонской войны. — Ч. I. Статьи. Вып. II. — С. 255-256 <http://www.milhist.info/2013/08/14/kyrbatov_3> (14.08.2013).
- ³⁶ Там же. — С. 270-278.
- ³⁷ Акты феодального землевладения и хозяйства (далее – АФЗХ). — М., 1956. — Ч. 2. — С. 18.
- ³⁸ Там же. — С. 213.
- ³⁹ Там же. — С. 292.
- ⁴⁰ Там же. — С. 310-311.
- ⁴¹ Там же. — С. 280.
- ⁴² Кирпичников А.Н. Военное дело на Руси в XIII-XIV вв. — Л., 1976. — С. 19.
- ⁴³ Русский Дипломатарий. — М., 2007. — Вып. 7. — С. 62.
- ⁴⁴ Акты Русского Государства 1506-1526. — М., 1975. — С. 61.
- ⁴⁵ Там же. — С. 254.
- ⁴⁶ АФЗХ. — С. 91.
- ⁴⁷ Русский Дипломатарий. — М., 2007. — Вып. 7. — С. 255-256.
- ⁴⁸ АФЗХ. — С. 170.
- ⁴⁹ Там же. — С. 164.
- ⁵⁰ Там же. — С. 165.
- ⁵¹ Акты Юридические. — СПб., 1838. — С. 451.
- ⁵² АФЗХ. — С. 207.
- ⁵³ Там же. — 208.
- ⁵⁴ Там же. — С. 270.
- ⁵⁵ Там же. — С. 278.
- ⁵⁶ Там же. — С. 283.
- ⁵⁷ Русский Дипломатарий. — М., 2007. — Вып. 7. — С. 62.

-
- ⁵⁸ АФЗХ. — С. 290.
- ⁵⁹ Акты, относящиеся до гражданской расправы Древней России. — Киев, 1860. — Т. I. — С. 274-276.
- ⁶⁰ Там же. — С. 308.
- ⁶¹ Там же. — С. 391.
- ⁶² Там же. — С.392.
- ⁶³ Там же. — С. 392.
- ⁶⁴ Акты юридические. — СПб., 1838. — С455-456.
- ⁶⁵ АФЗХ. — С. 211.
- ⁶⁶ Древние Акты, относящиеся к истории Вятского края. — Вятка, 1881. — С. 33.
- ⁶⁷ Лихачев Н.П. Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках. — СПб., 1895. — С. 64.
- ⁶⁸ Там же. — С. 62.
- ⁶⁹ Акты служилых землевладельцев. — М., 1998. — Т. II. — С. 96-97.
- ⁷⁰ Акты Русского Государства 1506-1526. — М., 1975. — С. 176-177.
- ⁷¹ Там же. — С. 199.
- ⁷² АФЗХ. — С. 92.
- ⁷³ Там же. — С. 92.
- ⁷⁴ Там же. — С. 285.
- ⁷⁵ Русский Дипломатарий. — М., 2007. — Вып. 7. — С. 65.
- ⁷⁶ АФЗХ. — С. 291.
- ⁷⁷ Там же. — С. 347.
- ⁷⁸ Акты русских монастырей. Акты Суздальского Спас-Ефимьева монастыря. — М., 1998. — С. 220.
- ⁷⁹ АФЗХ. — С. 231.
- ⁸⁰ Акты русских монастырей. Акты Суздальского Спас-Ефимьева монастыря. — М., 1998. — С. 222.
- ⁸¹ Описание имения Татищева. — С. 15.

-
- ⁸² Там же. — С. 10.
- ⁸³ Сборник Российского Императорского исторического общества. (далее — СБРИО) — СПб., 1882. — Т. 35. — С. 32-33.
- ⁸⁴ Там же. — С. 27.
- ⁸⁵ Там же. — С. 30.
- ⁸⁶ СБРИО. — СПб., 1884. — Т. 41. — С. 230.
- ⁸⁷ Там же. — С. 310.
- ⁸⁸ Там же. — С. 297.
- ⁸⁹ Там же. — С. 408.
- ⁹⁰ Там же. — С. 409.
- ⁹¹ Документы Ливонской войны (подлинное делопроизводство приказов и воевод) 1571-1580 гг. // Памятники истории Восточной Европы. — Москва-Варшава, 1998. — Т. III. — С. 27-41.
- ⁹² ЗКПП. — С. 135-138.
- ⁹³ Явочные челобитные 1568-1612 годов из архива Суздальского Покровского девичьего монастыря // Русский дипломатарий. — М., 2003. — Вып. 9. — С. 309.
- ⁹⁴ Там же. — С. 311.
- ⁹⁵ СБРИО. — СПб., 1887. — Т. 59. — С. 346.
- ⁹⁶ ПСРЛ. — Т. XIII. — Ч. 1. — С. 213.
- ⁹⁷ Там же. — С. 217.
- ⁹⁸ Савваитов П. И. Описание старинных царских, утварей, одежд, оружия, ратных доспехов. — СПб., 1865. — С. 30-31.
- ⁹⁹ Там же. — С. 269.
- ¹⁰⁰ Татищев В. Н. История Российская. — Л., 1968. — Т. VII. — С. 372.
- ¹⁰¹ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551-1561 гг. (далее — ПКСНО) — Казань, 2006. — С. 120.
- ¹⁰² Там же. — С.163.
- ¹⁰³ Там же. — С.160.

-
- ¹⁰⁴ Там же. — С.251.
- ¹⁰⁵ Там же. — С.253.
- ¹⁰⁶ Там же. — С.314.
- ¹⁰⁷ Там же. — С.131, 176, 187, 313, 316, 317, 339.
- ¹⁰⁸ Там же. — С. 255.
- ¹⁰⁹ Там же. — С.184.
- ¹¹⁰ Там же. — С.328, 129, 47, 107.
- ¹¹¹ СБРИО. — Т. 41. — С. 152, 517.
- ¹¹² СБРИО. — СПб., 1895. — Т. 95. — С. 25.
- ¹¹³ ПКСНО. — С. 161.
- ¹¹⁴ АФЗХ. — С. 151.
- ¹¹⁵ Новый документ о людях и приказах опричного двора Ивана Грозного после 1572 года // Исторический архив. — М.-Л., 1949. — Т. IV. — С. 40-41.
- ¹¹⁶ Савваитов П. И. Описание старинных царских, утварей, одежд, оружия, ратных доспехов. — СПб., 1865. — С. 37.
- ¹¹⁷ Опись имения Татищева. — С. 15.
- ¹¹⁸ ПКСНО. — С. 160, 161, 163, 219, 251, 253, 280, 314, 328, 336, 338.
Московская Оружейная палата. — М., 1860. — С. 213-214.
Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой (1576 г). — М., 2003. — С. 61.
- ¹¹⁹ СБРИО. — Т. 41. — С. 79, 80, 103, 106, 122, 124, 152, 143, 144, 169, 179, 197, 266, 517, 549.
СБРИО. — Т. 95. — С. 25, 34-36, 79, 348.
- ¹²⁰ Астраханское ханство по документам ногайской посольской книги за 1551-1556 гг. // Исторический архив. — 2006. — № 3. — С.196.
- ¹²¹ ПКСНО. — С. 46, 47, 63, 67, 87, 91, 96, 105, 112, 119, 127, 136.
- ¹²² СБРИО. — Т. 41. — С. 176.
- ¹²³ АФЗХ. — С. 171.

-
- ¹²⁴ Пояснительный словарь, предметов древней царской казны и Оружейной палаты // Московская оружейная палата. — М., 1844. — С. 60.
- ¹²⁵ Лихачев Н.П. Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках. — СПб., 1895. — С. 66.
- ¹²⁶ Описание имения Татищева. — С. 6.
- ¹²⁷ Разрядные книги 1598-1638 гг. (далее - РК 1598-1638) — М. 1974. — С. 41-42.
- ¹²⁸ Русско-монгольские отношения 1686-1691. Сборник документов. — М., 2000. — С. 282.
- ¹²⁹ СБРИО. — Т. 35. — С. 45.
- ¹³⁰ Инвентарь вооружения Несвижского замка 1510, 1569 годов (позднее вывезенного в Чернавчицы) и другие инвентари 2-й половины XVI века: уникальные источники для новых исследований // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Третьей международной научно-практической конференции 16–18 мая 2012 года. — СПб., 2012. — Часть III. — С. 447.
- ¹³¹ Савваитов П. И. Описание старинных царских, утварей, одежд, оружия, ратных доспехов. — СПб., 1865. — С. 38.
- ¹³² Московская Оружейная палата. — М., 1860. — С. 213.
- ¹³³ ПКСНО. — С. 318.
- ¹³⁴ АФЗХ. — С. 394.
- ¹³⁵ Савваитов П. И. Описание старинных царских, утварей, одежд, оружия, ратных доспехов. — СПб., 1865. — С. 33-34.
- ¹³⁶ СБРИО. — Т. 95. — С. 41.
- ¹³⁷ СБРИО. — Т. 35. — С. 44-45.
- ¹³⁸ АФЗХ. — С. 285.
- ¹³⁹ Савваитов П. И. Описание старинных царских, утварей, одежд, оружия, ратных доспехов. — СПб., 1865. — С. 38-42.
- ¹⁴⁰ Русский Дипломатарий. — М., 1999. — Вып. 5. — С.172.

-
- ¹⁴¹ РК 1475-1605. — М., 1977. — Т. I. — Ч. II. — С. 381.
- ¹⁴² ПСРЛ. — Т. XIII. — Ч. 1. — С. 205-206, 208, 209, 212-214.
ПСРЛ. — Т. XIII. — Ч. 2. — С. 354, 356, 357.
- ¹⁴³ ЗКПШ. — С. 139.
- ¹⁴⁴ РК 1475-1605. — М., 1984. — Т. III. — Ч. I. — С. 4.
- ¹⁴⁵ РК1475-1605. — М., 1984. — Т. III. — Ч. II. — С. 159.
- ¹⁴⁶ ПСРЛ. — Т. XIII. — Ч. 1. — С. 175, 179.
- ¹⁴⁷ ПСРЛ. — Т. XIII. — Ч. 1. — С. 208.
- ¹⁴⁸ Документы о сражении при Молодях // Исторический архив. — 1959. — № 4. — С. 169.
- ¹⁴⁹ Там же. — С. 172.
- ¹⁵⁰ Повесть о победе над крымскими татарами в 1572 г. // Археографический ежегодник за 1961 год. — М., 1962. — С. 270.
- ¹⁵¹ РК1475-1605. — М., 1984. — Т. III. — Ч. II. — С. 212-213.
- ¹⁵² РК 1598-1638. — С.36.
- ¹⁵³ Там же. — С. 105.
- ¹⁵⁴ Акты исторические. — СПб., 1841. — Т. II. — С. 301.